

Михаил СЕРЕГИН

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ
ПОЛОЖЕНЕЦ

«КОСЯК»
АВТОРИТЕТА

Положенец

Михаил Серегин
«Косяк» авторитета

«Научная книга»

2004

Серегин М. Г.

«Косяк» авторитета / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2004 — (Положенец)

Старый вор Крытый не ожидал, что его разведут как последнего лоха. Молодые волки – Боксер и Блондин не поделили крупный куш, Крытый рассудил их по понятиям, а теперь его обвиняют, что за свое решение он получил взятку. Такое Крытый не прощает. Тем более он знает, что бывший комитетчик Петров рвется к власти и Крытый ему – что кость в горле. Власть, как известно, даром не дается, особенно если она в руках у Крытого. Главная схватка впереди.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Серегин

«Косяк» авторитета

Глава 1

Ветер привычно гнал волны вдоль берега залива, бросая пенистые гребни на песок. Чайки тоскливыми криками оглашали прибрежную зону, носясь над темными волнами. Погода была вполне обычная для здешних мест.

Стояла середина лета. Нельзя было сказать, что оно выдалось особенно теплым в этом году. Но жители Балтики привыкли к этому. Природа в их северном краю вообще скупа на тепло.

Темные, почти черные волны ровными рядами накатывались на желтую, бесконечно длинную полосу песчаной косы. Она начиналась у края горизонта и уходила за другой его край. Песчаная полоса шириной метров сто постепенно покрывалась редким низеньким кустарником. Метрах в двухстах от моря уже высились стройные корабельные сосны. Этот вековой лес стоял, насколько хватало взгляда.

Небо в тот день было все сплошь застлано тучами, торопливо бегущими на запад. Солнце почти не проглядывало.

Таким этот край был от века в век. Казалось, сейчас раздадутся голоса и от кромки леса к морю двинется конная дружина под предводительством князя...

Голоса действительно раздались. Только вместо лошадей на песчаную косу вырулили два новеньких джипа и две «БМВ».

Разом, словно по команде, распахнулись двери всех без исключения авто, и их пассажиры вышли на песчаный плес. Древний князь мог бы позавидовать такой дружине: парни как на подбор – рослые, бицепсы перекачываются упруго под кожей. Вместо мечей и луков на капоты иномарок легли «калашниковы». Появился гранатомет системы «Муха» – сразу было видно, что ребяташки собрались серьезные.

– Пал Саныч, снайпера сажать? – прогудел здоровяк, торопливо подбежав к человеку лет сорока на вид.

– А что, он еще не сидит? – вопросом на вопрос ответил белообрый крепыш, выглядевший несколько постарше остальных, при этом одарив собеседника свирепым взглядом.

Спрашивавший помялся на месте и, больше не услышав никаких дополнений, трусцой поспешил к кустам у дороги.

Пал Саныча раздражала тупость его бойцов. Порой самые простые вещи приходилось объяснять по два, а то и по три раза! Но где взять других?

– Батон! – позвал он, одновременно доставая из кармана ставшего уже давно традиционным малинового пиджака запиликавший мобильник.

– Я занят, звони позже! – гавкнул он в трубку и отключил связь. На его призыв подскочил субъект, носивший в бригаде кличку Батон.

– Дорога сделана? – вопросительно глянул он на бойца.

– С двух сторон, Пал Саныч, – довольно прогудел тот, – четыре «плюхи» закатали. Нажму «торпеду» – и ахнет так, что в Питере слышно будет!

«Четыре мины – это серьезно!» – отметил про себя лидер и, доставая пачку сигарет, на всякий случай проинструктировал бойца:

– Ты смотри у меня, сдуру не надави! Только по моему сигналу!

– Да я понимаю! – прогудел тот и, считая свой доклад исчерпанным, вернулся к остальным браткам.

Павел Александрович бросил быстрый взгляд на «Ролекс» – Боксер со своей командой должен был прибыть минут через пять. Вполне можно успеть покурить.

В свои сорок семь Павел Александрович Ганин, больше известный в Веселогорске под погонялом Блондин, редко нервничал. Он вообще отличался хорошим здоровьем и постоянным оптимизмом. Карьеру бандита он начал, как и многие, презрев дальнейшую карьеру спортсмена. Невысокий и коренастый, с мощным торсом, Блондин сразу своим видом наводил на мысль о том, что он просто не мог не заниматься штангой. Именно так оно и было когда-то.

Правда, в постсоветские годы непосредственно к самой штанге Ганин уже прикасался редко и только исключительно на мероприятиях, так сказать, личным примером призывая молодежь. Павел Александрович давно уже стал чиновником от спорта и прогрызал себе дорогу к деньгам и возможностям.

Человек далеко не глупый, трезво смотрящий на жизнь, он прекрасно понимал суть происходящих перемен и в мутных перестроечных водах спешил ловить свою рыбку.

Своего сегодняшнего оппонента, Леонида Сергеевича Грунева по прозвищу Леня Боксер, он прекрасно знал – от одного деревца отростки! Тот тоже был из бывших спортсменов. Но, в отличие от Блондина, почти до самого конца карьеры не снимал боксерских перчаток – отчего пользовался немалым авторитетом у своих пацанов.

Боксер слыл грубоватым, и у новых знакомцев поначалу частенько складывалось о нем впечатление как о недалеком увальне. Но это было совершенно ошибочное представление, за которое многие поплатились очень даже серьезно! Леня Боксер в делах не делал промаха.

С Блондином в пестрый перестроечный криминальный мир они пришли почти одновременно и прочно обосновались в нем. До последнего времени между ними конфликтов ни разу не возникало.

«До последнего времени!» – отметил про себя Пал Саньч и недовольно выкинул окурок. Слух безошибочно доносил звук приближающихся авто.

– Живо по местам! – скомандовал он парням, и пехота моментом заняла свои боевые позиции.

Смотреть против солнца было неприятно, и он надел темные очки.

«Черт! Целиться плохо будет! – отметил он допущенную тактическую оплошность, но тут же сам себя мрачно успокоил: – Впрочем, тебе уже от этого вряд ли легче станет!»

Машины выросли до размеров детских сувенирных, и по их очертаниям можно было судить о качестве личного автопарка Боксера – первыми шли два джипа, это точно.

Машины сопровождало небольшое облачко пыли. Вскоре тачки уже вкатывали на песчаный берег. Два джипа, «мерс» и «беха» – любимая машина нормальных пацанов. Ее так и называли в определенных кругах, по-своему расшифровывая фирменную аббревиатуру: «БМВ» – боевая машина воров.

Прибывшие были под стать ожидающим – такие же шкафообразные, словно сляпаные из простых геометрических фигур. Тяжело переминаясь, парни отползли за тачки. Двое застыли у открытых багажников.

События, судя по всему, назревали нешуточные, но пока вновь прибывшие и те, что окопались у своих тачек пораньше, вели дуэль взглядами. Команда старшего – и шаткий мир моментально бы полетел к чертям! Обе своры тотчас бы открыли огонь из всех стволов. А их имелось предостаточно у обеих сторон.

Блондин на всякий случай сделал предостерегающий жест. Не столько для своих, сколько для бойцов противника, безусловно, во все глаза глядевших в тот момент на него. Мол, не воевать я сюда приехал, нечего зазря палить! После медленно тронулся навстречу Боксеру. Мужчин разделяло не более ста метров, и они не спеша сходились – ни дать ни взять ковбой с Дикого Запада! Только кольтов не хватает!

Блондин медленно шел и вглядывался в серьезное лицо Лени Боксера – нос приплюснутый, уши прижаты к голове. Губы стиснуты в резиновую бескровную полоску. Глаза смотрят холодно, безо всякого выражения. Такой взгляд обычно бывает у спортсмена перед схваткой. Он словно говорит противнику: «Я понимаю, что ты силен, но я пришел за победой!»

– Здорово, брателло! – первым нарушил тишину утра Блондин. Голос прозвучал механически, словно слова произносил не человек, а новомодная японская игрушка.

– Здравствуй, дорогой! – в ответе Лени прозвучало ничуть не больше теплоты.

Они обнялись, слегка похлопав друг друга по плечам. Сделано это было еще и для того, чтобы застывшие в напряжении бойцы видели, что их лидеры начали разговор. От его исхода зависело, разведутся ли они по кабакам пить водку или же останутся на прибрежном песке среди искореженного металла догорающих иномарок.

– Поговорить я хотел с тобой о Дмитрие Игоревиче Зайцеве, знаешь такого? – медленно проговорил Боксер, задавая прогнозируемый Блондином вопрос.

– Знаю, как не знать! – невольно соорудив кислую мину, сплюнул на песок Павел Александрович.

– Ну и где он? – продолжая внимательно глядеть в лицо визави, поинтересовался Боксер. – Не мог бы ты мне сказать?

– Поверь, мне бы самому интересно знать!

– Павел Александрович! Объясни мне, пожалуйста, если я чего-то не понимаю: Заяц под вами ходил?

– Да, – вновь сплюнув под ноги, с кислой миной вынужден был признать Блондин.

– А ты знаешь, сколько он у нас взял? – Глаза Боксера пытливо сверлили лицо Блондина.

– Я знаю, что Заяц в «Экспресс-коммерц» полтора лимона зеленых взял. Только при чем тут я?

«Экспресс-коммерц» был самым крупным банком из контролируемых группой Лени Боксера. Фактически он был его хозяином, а номинальный директор существовал в качестве зиц-председателя Фунта. Потеря полутора миллионов, естественно, здорово тревожила владельца.

– Может, расскажешь, куда он делся? Вы же с него, насколько я в курсах, живого не слазили, «кабанчика» своего пасли! Такие люди просто так не теряются! Ты согласен?

Ганин поджал губы и отвернулся, тщательно обдумывая ответ и пытаясь скрыть слишком явно проступающую на его холеном лице досаду.

Зайцев работал под ними уже почти четыре года. В свое время его заприметил «экономист» их бригады – Андрей Рюшкин со скромным погонялом Пончик.

– Мужик шустрый, толковый. Если помочь немного... – глянул Пончик на Блондина тогда, многозначительно проглотив концовку фразы.

Замысел был очень прост и прокручивался на российских необъятных просторах не одной бригадой. Назывался он на жаргоне – «вырастить кабанчика».

Делается это так: берется под крышу отдельно взятый коммерс, энергичный и деловой. Ему предоставляется всевозможная помощь – как моральная, так и материальная. Прикармливаемая фирма пухнет от денег буквально на глазах на зависть конкурентам, и вопрос о дальнейшем развитии встает сам собой. Развиваться? Отлично! Поможем! И коммерсанту действительно помогают! До определенного момента. Пока «кабанчик» не распухнет от денег настолько, что шкура на его боках едва не лопадется! Напоследок на фирму вешается пара огромных кредитов – и все, «финита ля комедия», богатейшее творение финансового гения и зависть конкурентов разорвется как по волшебству. «Кабанчика» потрошат те, кто его растил.

Таким «кабанчиком» был и Зайцев. Но позавчера он неожиданно исчез из города. Совершенно в неведении осталась и охрана бизнесмена, попутно выполнявшая роль соглядатаев.

Позже удалось выяснить, что бизнесмен, будучи как будто бы с перепоя, отправился освежиться и, сняв с причала яхту, вышел в залив.

– Яхту нашли к вечеру, – продолжал неторопливо рассказывать Блондин. – Разбита вдребзи. Тело так и не нашли.

– Кто, кроме него, имеет доступ к счетам? – сразу вник в дело Боксер.

– Никто. Да тебе-то, Леонид, чего беспокоиться? У вас же за кредит залог – четыре бензозаправки! – перевел разговор несколько в другую плоскость Пал Саныч, вновь подставляя лицо соленому ветерку.

– Фуфельный оказался залог! – в сердцах отозвался Боксер. – И это ты лучше меня знаешь!

– О чем ты? – Блондин попытался сыграть наивного албанского юношу, хотя отлично знал, о чем толкует его визави.

– Ты не знаешь, что бензоколонки проданы? Ты что, за барана меня держишь, да? – Леня едва не брызгал слюной, до того он был возбужден.

– Мои люди сейчас с этим разбираются, пока мне еще ничего не докладывали, – пожал плечами Пал Саныч, бросив осторожный взгляд в сторону своей команды.

– Меня интересует только одно, – гнул свое Леня, – где мои бабки и кто мне их отдаст?

– Да погоди ты, не кипятись, – постарался успокоить его Блондин. Доводить дело до битвы ему очень не хотелось. А все шло к тому!

– Говоришь, заправки проданы?

– Ты что, мне не веришь? – вновь чуть не взорвался Боксер.

– Верю-верю. – Блондин задумался. Потом выдал: – Про заправки я не знал. Мои люди сразу к счетам кинулись, там хрень – чуть больше двадцати тысяч рублей.

– Один он повернуть все никак не смог бы. За день все счета не обналечить, тем более что вы его пасли! – резонно заметил Леня, сплевывая на плотный песок. Его взгляд не сходил с лица Блондина.

Павел Александрович прекрасно понимал, что сейчас думает Леня Боксер, и в том, что он вскоре озвучит конкретную предьяву, несколько не сомневался. Тогда все – хода назад не будет! Правда, есть еще один выход, но очень бы не хотелось к нему прибегать... самый последний! После него – только мочилово!

– Пасти-то пасли, да сумел, фуцин поганый, как говно сквозь пальцы пролезть!

– У него родственничек есть занятный, – подсказал Леня.

– Это комитетчик бывший? – сразу понял Павел Александрович. – Скорее всего, он не при делах! Ни в Питере, ни в Веселогорске давно его не видели.

Некоторое время они помолчали.

– Интересная картина получается, Павел Александрович, – легкая саркастическая ухмылка тронула губы Боксера. – Зайца нет, должок брать не с кого, да?

– Ты это к чему?

– А может, деньги никуда из Веселогорска и не уходили? А Зайцу утонуть кто-то из своих помог?

– Ты мне кидалово предьявляешь?! – взгляд Блондина мгновенно заледенел. Боксер медленно сделал шаг назад.

Бойцы обеих команд моментом уловили перемену в разговоре. В утренней тишине отчетливо было слышно, как дружно заклацали затворы автоматов. Этот звук отрезвил готового вспылить Блондина, и он шумно выдохнул.

– Слушай, бойню мы устроить всегда успеем, – веско, медленно и с расстановкой произнес он. Боксер слушал, а это в тот момент было главное. – Есть еще способ разойтись миром... Для базара слова, а не стволы нужны!

– Говори, – только и ответил Леня, напряженно выжидая. По тому, как напряглись мышцы его лица, Блондин понял, что тот уже готов был перейти к войне.

– Пусть смотрящий решит, кто из нас прав. Как он скажет – так и будет!

Боксер думал недолго, затем коротко кивнул в знак согласия.

– Только сразу и здесь же! – поставил он свое условие.

– Идет, – согласился на это Блондин. Другого ему ничего не оставалось. Это было последнее средство, не потеряв лица, избежать взаимного смертоубийства.

Для того чтобы спокойно разойтись, теперь нужно было соблюсти еще ряд условий.

– Пусть твои пацаны стволы на капоты положат, – предложил он Боксеру, – а я своим команду дам.

– Давай, – согласился Боксер, поворачиваясь к бойцам.

– Братва! – прогудел он. – Положили все стволы на капот!

Пал Саныч дал соответствующее указание. Только забыл почему-то вытащить из кустов снайпера и про мины ни слова не сказал противостоящей стороне.

«Так-то оно поспокойнее будет», – подумал он.

Они тут же набрали номер веселогорского смотрящего. Говорить взялся Боксер.

– Григорий Иванович... – В голосе авторитета явственно слышалось почтение. Он вкратце обрисовал обстановку и поинтересовался, как им быть.

– Ждите, через час подъеду, – вынес свое решение смотрящий. После чего связь прекратилась и противостоящие стороны слегка расслабились.

– Яхту твои люди хорошо смотрели? – поинтересовался у Пал Саныча Леня, когда пацаны разоружились и накал страстей немного спал.

– Еще бы! – вновь зажегся Блондин. – Ее с катера пацаны сразу заметили. Мачты нет, руль – в щепки! В каюте никого! Или смыло, или...

– Или что?.. – поинтересовался Боксер.

– Или кто-то пожалеет, что так решил пошутить со мной, – сквозь сжатые зубы процедил Боксер.

Прошел почти час, когда на шоссе, ведущем из города, появилась еще одна точка. Она быстро приближалась и вскоре обернулась синей «девяткой», выглядевшей очень скромно среди сборища дорогущих иномарок. Машина сбавила ход и вкатила на прибрежный плес.

В воздухе вновь сгустилось напряжение, когда из отечественной тачки вышел и огляделся высокий крепкий мужчина с чуть подкрашенными сединой висками. Черные жесткие волосы его аккуратно пострижены, но не так коротко, как стригут молодые бандиты. На лице – темные очки, которые вновь прибывший снял и зацепил дужкой за нагрудный карман рубашки. Сверкнули металлическим блеском серые глаза, серьезно поглядывающие на окружающих.

Оба спорщика двинулись к его машине. Григорий Рублев, он же Гриша Крытый, без всякой для себя опаски ждал их приближения. Приехал он без охраны, если не считать водителя и еще одного человека, близкого друга, оставшегося в салоне.

Действительно, приехавшему человеку ничего не грозило. Убить смотрящего – это было бы стопроцентным смертным приговором. Крытый поставлен был в город воровским обществом пару лет назад и уже успел проявить себя. С самого начала ему пришлось жестко отстаивать свои права, вступив в бой с ментовской и кавказской мафиями, державшими тогда в руках городок. Стоит добавить, что Григорий был в ранге положенца – кандидата на вора в законе.

За свои сорок с лишним на воле он бывал гораздо реже, чем «в гостях за хозяином», и общий тюремный стаж его был равен чуть ли не половине прожитой жизни.

Его хорошо знали в воровской среде, где он пользовался заслуженным авторитетом. Понятий, по которым Крытый жил, он не терял, не предавал и не разменивал даже в самых тяжелых ситуациях и не подстраивался ни под кого. Не раз ему приходилось показывать жизни волчий оскал, но при этом Рублев сумел остаться человеком.

Он знал, о чем может пойти разговор – слухами земля полнится. А Григорий был отлично информирован обо всем происходящем в городке и его окрестностях!

Между тем спорящие стороны достигли третейского судьи и остановились.

– Что случилось, почтенные? – чуть улыбнувшись уголками губ, Григорий пожал протянутые руки.

– Кинуть меня хотят, – сразу без обиняков заявил Боксер, стрельнув злым взглядом в Блондина. Тот пожевал губами и возразил:

– Я сам в пролете! Этот фраер нас как кроликов развел! Кто же знал, что этот Заяц таким шустрым окажется.

– Да ты туфту не лепи! – взъелся Леня.

– Потихе, – прекратил вновь загорающуюся ссору Крытый, резко вскинув руку вверх, – не на барахолке! Давайте по одному! Боксер, слушаю сначала тебя!

Леня живо успокоился и не торопясь рассказал о взволновавших его событиях.

– Что ты можешь добавить? – переключил свое внимание на Пал Саныча положенец.

– А что тут добавишь? – пожал плечами тот.

– Документы по кредиту дайте, – коротко распорядился Крытый, и Леня подал знак своему бойцу. Тот подбежал, узнал, что нужно, и быстро отправился за бумагами. Блондин пригласил своего экономиста, и к машине Крытого засеменял Пончик.

Проверили бумаги – те были в полном порядке.

Думал Крытый недолго.

– Ты четыре года пас своего Зайца, – обратился он к Блондину. Тот утвердительно кивнул головой. – И ты не мог не знать, что он кредит хапнул. И знал, что банк пацановский. Знал ведь?

Пал Саныч хмуро кивнул. Он уже предчувствовал, что решение будет не в его пользу.

– Ну, а раз знал, то, значит, и отвечать должен ты. Не устерегли коммерса – расплачивайтесь за него! Бабки отдать сегодня, сейчас! – жестко потребовал Рублев.

– Да это ж полтора лимона зелени! Где я столько сразу возьму! – возопил Блондин.

– Времени даю два часа! – жестко повторил Григорий.

Пал Саныч без лишних слов повернулся к своему заму по экономике – Пончику.

– Есть вариант, Павел Александрович. Позвольте наедине?

Он ухватил шефа под локоть и отвел чуть в сторону.

– Ты слышал? – коротко спросил его Блондин, явно имея в виду приговор Крытого. – Так что делать-то будем? Лавье нужно отдать сейчас!

– Придется «лаврушников» напрячь. Без них не соберем. И в кассе штук семьсот лежит. Сделаем, Павел Александрович!

Блондин достал сотовый и быстро набрал номер. Поговорив несколько минут, приказал Пончику:

– Бери пару бойцов, и жмите на всю катушку к нашему уважаемому Дато! Он поможет с наличкой!

Пончик манерно распрощался с Крытым и Боксером, чем вызвал у последнего легкую усмешку, и заспешил к машине. Вскоре его «Опель Пассат», на всякий случай оставленный гораздо дальше пацановских машин, летел в сторону Питера.

Григорий вернулся в машину. Боксер и Блондин – каждый к своей команде.

Сергей Лысый, остававшийся все время в машине, с любопытством глянул на Крытого. Они знали друг друга не первый год, под Княж-Погостом топтали вместе зону. Приехав в Веселогорск, Лысый здорово помог смотрящему распутать тугой узелок злосключений, сплетенных врагами вокруг него и его племянницы. Потому Гриша Крытый и относился к Лысому с особой теплотой, явно выделяя его среди всех своих многочисленных помощников.

– Чего они на этот раз не поделили? – поинтересовался Сергей.

Крытый пересказал приятелю суть проблемы.

– Вот жизнь пошла интересная! – хмыкнул Лысый. – Целую армию нагнали, чтобы по бабкам разрулить! Без тебя непременно положили бы друг дружку!

– Это уж как пить дать! – согласился Крытый.

Оба они были из поколения старых воров, живущих только по понятиям, и к перестроенным авторитетам и блатнякам, выросшим, как на дрожжах, в мутных потоках вдруг завихрившейся и понесшейся сумасшедшим темпом вперед жизни, относились с презрением.

В представлении Крытого, прежде чем стать паханом, нужно много в жизни пройти и испытать, доказать делом, на что ты годен, пройти дорогой тюрем и завоевать авторитет у братвы. Воровская корона давалась очень немногим, сумевшим пройти годы лагерей и ничем не запятнать свою честь. Так было раньше. Сам Григорий, отбыв на зоне полжизни, короны не носил, был еще пока в ранге положенца, хотя имел за плечами и «строгач», и немало лет «крытки», за что и получил свое прозвище.

Он с удивлением смотрел, как приблатненные толстосумы, до того не имевшие никакого отношения к их ремеслу, покупали за бабки звание вора в законе, ставили под себя пацанов, закупали им стволы и тачки и требовали самый жирный кусок пирога, отхватывая себе городские районы! И так происходило по всей стране!

Они не считались ни с какими понятиями и правилами, жили как захочется, не признавая никаких авторитетов, кроме своего собственного, и остановить их можно было только силой. Но жили такие братки, как правило, недолго – беспредел нарывался на беспредел, и клали свои головушки новоиспеченные вора в законе, так толком и не успев порулить в жизни.

– Раньше на «мокрое» шли в крайнем случае, – словно угадав мысли Григория, тихо проговорил Лысый, – а сейчас замочить кого-нибудь – как высморкаться!

Оба помолчали немного, потом Сергей все же спросил:

– Что ты решил-то, если не секрет?

Крытый сказал.

– Совершенно с тобой согласен, – поддержал его Лысый. – А как Блондин это воспринял?

– Зубами скрипит!

– Трудно с этими новыми, – вздохнул Сергей. – Пару штук деревянных скоро без смотрящего поделить не смогут! Куда жизнь катится!

– Серый, вот ты по зонам отмотал больше, чем все эти, – Крытый кивнул в сторону кучкующейся братвы Блондина, – вместе взятые, а человеком остался!

– Гриша, а может, потому мы остались людьми, что начинали не как они? – повесил в воздух вопрос приятель положенца. – По-всякому приходилось, сам знаешь, но вот так, как собака за кость! Такие проблемы спокойно, без всякой бучи решались! А тут армию нагнали – на Питер идти можно! – закончил он тираду с легким смешком, доставая из пачки сигарету с фильтром.

– Ладно, бог с ними, – Крытый махнул рукой, повернулся к водителю и спросил: – Василий, ты цацки забрал? Не забыл?

– Обижаете, Григорий Иванович! – в голосе шофера послышался легкий упрек.

Между тем Серега Лысый приглядывался к новому водителю своего кореша. Парень высокий, крепкий. На плече татуировка: акула выглядывает из лаврового венка. Над хищницей – фуражка.

«Не зоновская, армейская!» – сразу отметил про себя Сергей. Чего говорить, он уж понимал в этом толк – сам расписан был до самых пяток! На фалангах пальцев обеих рук сплошь синие перстни!

У водителя под татуировкой три буквы: «КЧФ» – Краснознаменный Черноморский флот. «Моряк, стало быть!» – расшифровал аббревиатуру Лысый. – А Гриша говорил, что он у него и

за телохранителя по совместительству канает! Вроде бы морпеховец бывший», – с уважением глядя на мощную фигуру водилы, отметил про себя приятель смотрящего.

Василий достал небольшой сверток и передал Рублеву.

– Вот глянь-ка, что я Катюше в подарок приготовил! – Крытый не выдержал и похвалился другу.

– Стоящая вещь! – согласился с ним Лысый, разглядывая золотой гарнитур, состоящий из пары сережек, кулона на цепочке и колечка.

И сережки, и кулон, и колечко выполнены были в едином своеобразном стиле: во всех изделиях присутствовало золотое сердечко с рубином посередине. На колечке по центру была размещена еще буквица «К». Сразу было понятно, что весь ансамбль – штучная работа, выполненная классным ювелиром на заказ. Все четыре вещи были украшены еще и довольно крупными изумрудами.

– Балуеть ты ее! – без всякого осуждения в голосе заметил Лысый, отдавая гарнитур смотрящему.

– Мы с тобой, Серый, недобрали в этой жизни! Пусть хоть племяшка порадует, коль есть возможность! – вздохнув, отозвался Рублев, бережно убирая цапки в пакетик.

Его племянница Катерина была единственным на свете существом, в котором Крытый не чаял души. Юная скрипачка платила ему тем же, и дядя баловал семнадцатилетнюю красавицу без меры.

Время потихоньку приближалось к обеду, и вскоре на горизонте возникла долгожданная точка – на авто возвращался из Питера Пончик.

«Пассат» подкатил к остальным иномаркам, и толстячок протянул шефу «дипломат». В присутствии Крытого Пал Саньч передал Лене полтора миллиона долларов.

– Вот машинка, – ввернул экономист, – пересчитайте и перепишите номера купюр!

– Это еще зачем? – поразился Леня Боксер.

– А вдруг фуфельная потом попадется! Можно нам предьяву кинуть будет! – со смешком заявил Пончик.

– Он у тебя что, перегрелся? – несколько оторопело глянул на Блондина Боксер. Но тому от потери таких денег стало совсем худо, и он только дернул плечом.

– Как знаете, – отозвался Андрей Витальевич, выполнив все формальности и уложив свой список с номерами банкнот в карман. Леня свой презрительно бросил на песок.

После спорящие пожали друг другу руки. Боксер с бригадой оседлали своих «мустангов», и кортеж покинул пляж. А вслед за ним и Крытый со своим другом уехали с берега. Блондин смотрел им вслед, сжав зубы. Когда синяя «девятка» смотрящего проезжала заминированный участок, Пал Саньч едва удержался, чтобы не дать команду на взрыв.

Глава 2

Лето здесь коротко, и потому люди спешат впитать в себя его теплоту.

Продавщицы мороженого в городском парке Веселогорска не могли пожаловаться в тот день на плохую выручку. Отдыхающие валили валом.

Мамаши с маленькими детьми, радостно улыбаясь солнцу, не спеша катили свои коляски. Пенсионеры ближе к вечеру оккупировали несколько лавочек в южной части парка – там гремели нешуточные шахматные баталии. Из динамиков негромко лилась музыка, периодически прерываемая по техническим причинам. Два пацана, лет семнадцати от роду, с сигаретами в зубах и с презрительной миной, застыли в вальяжных позах. Парни пытались показать всему свету, что им наплевать абсолютно на все и для них нет ничего важнее собственной лени.

Это было полное вранье, поскольку в головах подростков билась только одна мысль: удастся ли им сегодня снять телок или нет?

Телки на примете уже были давно. Сами девушки точно знали, что стали объектом повышенного внимания юношей, поскольку, весело переговариваясь, минут пять уже как стреляли накрашенными глазенками в направлении прыщавых кавалеров. Парни же смущались сделать первый шаг. Конечно, ни один из них ни за что не признался бы в этом товарищу, но пока оба маялись, а девчонки давно начинали ругать их, теряя терпение.

Колесо обозрения медленно крутилось, поднимая желающих потаращиться на родной город с высоты. С каруселей слышался счастливый детский смех и заботливые окрики мамаш и бабушек. В общий гам аттракционов вплетался визг летящих на американских горках – словом, народ отдыхал, пользуясь предоставленной природой возможностью.

Молодые люди прогуливались парочками.

Одна из таких парочек занимала скромные качели недалеко от входа в ГПКиО.

Девушка была одета в легкое платье нежно-сиреневого цвета. Мужчина слегка раскачивал качели, и симпатюлька благодарно улыбалась в ответ, помогая движению корпусом и загорелыми ножками. Вот при взлете порывом воздуха дернуло платье, на миг приоткрыв кружева бикини и слегка просвечивающий через них черный контур волос. Девушка чуть лукаво улыбнулась, перехватив жадный взгляд своего кавалера, и спокойно прижала платье ладонью.

Если девушке было не больше семнадцати лет, то возраст мужчины перевалил за тридцать или, по крайней мере, близился к этому. Молодой человек был видный. Так выражаются женщины постарше. Молодуха, озорно стрельнув глазами, выдавила бы значимо: «Ни-че-го».

Одет был молодой человек аккуратно, даже как-то подчеркнуто аккуратно. Белая рубашка, черные брюки, начищенные до зеркального блеска полуботинки. На спутника Катерины заглядывалась не одна из прошедших мимо девушек. Молоденькой кокетке это ужасно льстило.

На самом деле ее кавалеру было около тридцати пяти, но выглядел он моложе. В живом умном взгляде затаилась немного жестокая насмешка. Инстинктивно Катерина чувствовала в своем ухажере что-то порочное, может быть, злое. Но это нисколько не отталкивало, а наоборот, притягивало юную скрипачку.

Может быть, виной тому были обстоятельства ее жизни, переломным моментом возникшие вместе с совершенно неожиданным появлением ее дяди – Григория Рублева. Спокойное течение Катюшиного бытия было в одночасье нарушено. Водоворот смертельно опасных событий увлек ее! Достаточно сказать, что она сперва была похищена и попала в заложницы. Затем, чтобы не погибнуть, ей пришлось своими руками убить несколько бандитов.

Когда кутерьма закончилась и Крытый урегулировал все последствия того мрачного дела, он увез ее в Крым – отдохнуть на море, подлечить нервы.

Но и там неприятная история нашла их. И снова смерть посмотрела в прекрасные, чуть зеленоватые глаза молодой красавицы. Григорий смущенно разводил руками и извинялся перед племяншкой:

– Видно, судьба моя такая – все дерьмо житейское ко мне лезет!

Это не могло не отразиться на девушке. Катерина, оставаясь прелестной милой скрипачкой, учащейся музыкального лицея при Санкт-Петербургской консерватории имени Скрябина, была гораздо серьезнее, чем многие ее сверстники. Гораздо более собранная и молчаливая. Она выросла не по годам. В общении с давнишними друзьями-ровесниками с некоторых пор это чувствовалось. Постепенно это общение сошло на нет. Кате было скучно со сверстниками, их заботы и интересы казались девушке пустячными. Те не принимали ее чрезмерной серьезности. Совсем недавно она познакомилась с Антоном. Мужчина нес на себе отпечаток какой-то загадки, что также было интересно Кате Романовой.

В его глазах она читала порой сильное желание, от которого млела ее девичья душа. А уж про завистливые взгляды бывших подруг и говорить нечего!

Между тем Антон перестал раскачивать качели и поймал спрыгнувшую красавицу в свои объятия. Бережно поставив девушку на землю, он подождал, пока та взяла с лавки скрипичный футляр, и они не спеша направились к выходу.

Разговаривали так, ни о чем. Катя только собралась было поведать своему кавалеру про проказника кота Кузю, как неожиданно взгляд ее уловил знакомую машину. Реакцией девушка обладала отменной и сразу же сиганула к бетонной тумбе, прижавшись к ней спиной. Сделала Катя это вовремя – как раз мимо входа в парк проехала синяя «девятка» Крытого.

Едва она удалилась, скрипачка перевела дух и чуть смущенно улыбнулась – кавалер таращил на нее изумленный взгляд, совершенно не ожидая от своей молоденькой спутницы ничего подобного.

– Дядя поехал, – чуть смущенно объяснила Катя. – Не нужно, чтобы он нас вместе видел... Пока.

– Очень строгий? – знакомая усмешка затаилась в уголках губ, глаза смотрели требовательно, словно ожидая ответа.

– Да, строгий. С ним лучше не шутить!

– А кто он?

Катюша замялась.

– Понимаешь, он у меня... как тебе сказать, вроде гражданского судьи...

– Это как? – искренне удивился ее новый знакомый.

– Сейчас тебе объясню на примере. – Катерина немного подумала и важно сказала: – Вот слушай! Например, звонит один банкир. Бизнесмен из Питера занял у него целых полтора миллиона долларов!..

– Что ты говоришь! – поразился сумме красавчик.

– Да! Я сама слышала, как дядя сегодня утром по телефону разговаривал! Я как раз с тобой на встречу собиралась. Так вот, человек, который брал кредит, пропал, а его, ну, другой... – юная скрипачка замялась в поисках нужного слова.

– Поручитель или компаньон? – пришел на выручку ухажер.

– Да, что-то вроде этого! Так вот он не хочет деньги возвращать.

– Понятное дело! – усмехнулся Антон.

– Так вот, дядя мой между ними разбирается, решает, кто платить должен, а кто – нет!

– Так, стало быть, он у тебя третейский судья?

– Да-да! – согласилась с ним Катерина, не желая дальше вдаваться в подробности. К счастью, они уже подошли к ее подъезду.

– Ты говорила, скоро концерт в Питере?

– Да.

– Пригласишь?

– Конечно!

Они некоторое время помолчали. Мужчина смотрел девушке в глаза, держа за руки. Катя слегка потянула их, словно желая освободить, но в то же время не очень настойчиво. Антон улыбался самыми уголками губ.

Катерина невольно глянула наверх, на свои окна.

– Третий этаж, – констатировал ухажер.

– Да, – счастливо улыбнувшись, согласилась русоволосая красавица.

– Может, нам не нужно сегодня расставаться? – привлекая девушку к себе, со значением во взгляде тихо шепнул ей Антон, следом нежно целуя в щеку. Тут же его губы отыскивали мочку уха прелестницы, и девушка замерла, ловя момент блаженства. Она тихонько застонала и все же нашла в себе силы оторваться от искусителя.

– В другой раз, – стараясь не выдать своим видом вдруг охватившего ее возбуждения, ответила Катя, быстро чмокнула Антона в ответ, и ее каблучки застучали по лестнице. Несколько секунд – и звук их смолк.

Молодой мужчина постоял немного у двери, загадочно улыбаясь своим мыслям. Кинув еще раз быстрый, внимательный взгляд на балкон квартиры, в которой жила девушка, он вздохнул. Чувствовалось, что он не хотел расставаться.

Глянув на наручные часы, он поинтересовался у сидевшей на скамеечке пожилой женщины, как добраться до железнодорожного вокзала.

– Вы ненашенский? – зачем-то спросила старушка.

– Питерский, – коротко улыбнулся незнакомец.

– На второй автобус садитесь. Остановка за углом, – махнула она рукой в нужном направлении.

Мужчина поблагодарил ее и, не оглядываясь, пошел легкой походкой.

* * *

Поток пешеходов плавно тек по Невскому. Питерцы спешили по своим делам, не смотря по сторонам, лишь привычно глядя в сторону нужной остановки троллейбуса или автобуса. Приезжие, купив в ближайшем газетном киоске схему линий метро, предпочитали пользоваться именно этим транспортом – недалеко находился Московский вокзал, из которого сразу можно спуститься под землю.

«Лендкрузер» Пал Саныча летел торопливо, пока не остановился на привычной стоянке. Следовавшая по пятам «бега» притулилась тут же, из нее, как чертики из табакерки, моментально выскочили четверо и завертели головами, готовые в любое мгновение отразить нападение на своего драгоценного босса.

Оглядевшись, один из них услужливо открыл дверь импортного внедорожника, и глава бригады важно ступил на асфальт. Он не задержался у машины и быстро направился к высокой деревянной двери. Один из секьюрити услужливо просочился вперед и распахнул ее. Сидевший у монитора охранник уже увидел благодаря камере наружного наблюдения, что прибыл босс.

Он вытянулся во фронт, встречая хозяина. Тот одарил радивого работника лишь мимолетным взглядом, часто стуча каблучками по широкой чугунной лестнице.

Машина, в которой ехал Пончик, прибыла третьей и пристроилась рядышком с авто шефа. Коротышка задержался здесь на минутку, что-то объясняя одному из парней, затем поспешил в офис. Он рассеянно кивнул на приветствие охранника и зачастил вверх по лестнице.

Секретарша, которой не стыдно было бы в конкурсах на звание всяких там «мисс», при появлении босса изобразила счастливую улыбку. Локти же остались при этом на столе, и девица оказалась в весьма интересной позе велосипедиста, выставив на обозрение вошедших следом за Пал Санычем свой довольно привлекательный «бампер», туго обтянутый крохотных размеров юбкой.

– Павел Александрович, вам из Балтийского пароходства Виктор Семенович звонил... – начала она мелодичным тоном, но хозяин перебил ее, махнув рукой:

– Все – потом! Света! Меня ни для кого нет!

Секретарша понятиливо кивнула. Работала она не первый год и хорошо знала своего босса. Когда он в таком настроении, с вопросами лучше не лезть. Она уткнулась в компьютер, опустив на место так и не привлекший ничьего внимания зад.

«Видно, что-то серьезное случилось, – вздохнула про себя красотка, – а я хотела пораньше отпроситься! Лучше сейчас не соваться! Может, после обеда отойдет!»

Но если бы пышнобедрая Света знала, сколько за это утро потерял Блондин, то все свои планы моментально выкинула бы из головы.

Едва закрылась дверь за последним из пятерки, зашедшим в просторный кабинет, хозяин распорядился:

– Костя, распечатай-ка быстренько что-нибудь от трезвости!

Атлет с бритым затылком привычно достал из белоснежного, как айсберг, и такого же внушительного по размерам «Стинола» бутылку шотландского виски и бутылку водки «Смирнофф». Один из стоящих поблизости парней пришел ему на помощь, и вскоре необъятных размеров стол украсили дежурные тарелки с закусью.

Только один экономист не поддержал дружную компанию, скромно попивая минералку. Впрочем, Пал Саныч довольно быстро дал команду «отбой» – напиваться в любых житейских ситуациях было не в его правилах. Да его ребяташки и не грешили этим. А сейчас присутствовали самые доверенные люди из его команды. Закусь и недопитое спиртное исчезли в чреве холодильника.

Лидер сразу же устроил разбор полетов. Первый вопрос, который был вынесен на обсуждение, – как заткнуть брешь в финансах бригады, образовавшуюся вследствие выплаты гигантской суммы. Вся касса общака ушла да плюс долг «лаврушникам»!

«Лаврушниками» звали кавказских воров. Славянские авторитеты относились к ним несколько свысока – они были дома, а те работали на их территории, поэтому находились в определенной зависимости.

– Как Дато тебя встретил? – задал вопрос Блондин мордатому Косте по кличке Батон.

– Нормально, Пал Саныч, без всякого базара семьсот штук насыпал! Всегда рады, мол, и все так уважительно! Про проценты даже не заикнулся! – в своеобразной форме передал крупнокалиберный парень сцену получения в долг денег у грузинского авторитета.

«Уважительно! – усмехнулся про себя Блондин. – Попробовал бы по-другому!»

Относительно кавказцев у Пал Саныча не было никаких иллюзий – он прекрасно знал эту публику. Они еще попросят с него свое, если не процентами, то услугой в благодарность за помощь.

– Ну, у кого какие свежие соображения? – Пал Саныч побарабанил пальцами-сардельками по столу и обвел угрюмых парней тяжелым взглядом.

– Черт бы побрал этого Крытого! – вдруг взорвался Батон. – «Я сказал: бабки сейчас!» – перекосив рожу, передразнил он смотрящего. – Тьфу!

– Что теперь воздух без толку молотить, нужно думать, где лавэ достать! – урезонил его Пал Саныч, между тем нисколько не возражая против нелестных высказываний по отношению к положенцу.

– И как вовремя! – хлопнул себя по коленке Батон, вскакивая со стола, на краешке которого пристроился до этого. – Прямо Лене в козырную масть! Словно сговорились!

– А может, этого разрисованного и впрямь Боксер прикормил? – осторожно поделился своими соображениями один из присутствующих.

– Ты чего-то знаешь или просто так, по простоте своей ляпнул? – сразу отыскал его глазами-фарами босс. Он так и впился в лицо братка.

– Да нет, – сразу замялся тот, – просто подумал...

– Тогда не болтай лишнего, а то без язычка недолго остаться!

– Можно с игровых автоматов тысяч двадцать взять, – подал голос один из участников импровизированного совещания, – и с рынка авансом за следующий месяц еще сотку выжать!

– Что еще?

Реплики поочередно раздались со всех сторон. Подвели итог – получилось, что тысяч семьсот – семьсот пятьдесят можно набрать.

– Ну, братки, по рабочим местам! – подвел итог Блондин, вставая. Остальные тоже вскочили на ноги, понимая, что пора на выход. – Андрей Витальевич, – тормознул он Пончика, деловито пристраивающего свою кожаную папку под мышку.

Тот поправил очки на носу и с готовностью застыл.

– Ты бы задержался, мне с тобой еще нужно кое о чем поговорить, – заметил Блондин.

Когда все удалились, зам по экономике плотно прикрыл дверь и подошел ближе к столу босса. Тот, наоборот, встал и протопал к холодильнику, плеснул на два пальца в фужер виски и в один глоток прикончил выпивку. Поморщился слегка, но ни запивать, ни закусывать не стал.

– Ну что, пролетели мы с тендером? – зыркнул он на своего зама. Вопрос был явно риторическим, и отвечать толстячку не требовалось. Благо разумно промолчав, он лишь легким кашлем прочистил горло.

– На что теперь танкеры брать? Та-ка-я сделка – и все развалилось в один момент! – не выдержав, Пал Саныч дал волю эмоциям. Схватился пятерней за сердце, затем рванул воротник рубашки и зашагал взад-вперед, глядя под ноги. Оторванная пуговица заплясала по паркету.

– Еще не все потеряно! – скороговоркой выпалил наблюдавший за ним немигающим взглядом Андрей Витальевич Рюшкин.

– Как это «не все потеряно»?! – рыкнул на него Ганин. – Если даже семьсот пятьдесят настрижем, где еще семьсот пятьдесят взять, а?

Настроение Павла Александровича было совсем несложно понять – почти полгода он готовил весьма выгодную сделку.

Балтийское морское пароходство должно было объявить тендер на продажу двух нефтеналивных танкеров «Волга-Дон» для транспортировки бакинской нефти в Финляндию. Каждый вложенный бакс мог обернуться тремя чистой прибыли! И все официально – никакого криминала! В круг заинтересованных лиц входил и добропорядочный законопослушный бизнесмен Ганин, за полгода локтями и связями он распахал всех, и тендер был практически у него в кармане. И тут на тебе – Заяц ему такое говно подложил! Было от чего прийти в бешенство! И самое паскудное – по условию конкурсной продажи нужно было покупать сразу два судна, иначе сделка не признавалась действительной. Полтора лимона – где их теперь взять!

– Есть вариант! – еще раз еле слышно подал голос пухленький человек в круглых очках, не спуская взгляда с бушующего босса.

Тот перестал ходить из угла в угол и застыл. Следы крайнего отчаяния постепенно покидали его лицо.

– Что ты имеешь в виду? – глаза Блондина, как два коршуна, разом впелись в улыбчивого кругленького человека. Тот невольно съежился под этим взглядом. Казалось, еще секунда, и босс начнет что есть мочи трясти его за грудки, вытряхивая нужную информацию!

– Понимаете, – Рюшкин вновь поправил очки и, боязливо оглядевшись, наклонился к самому уху. Мера была совершенно излишней, поскольку в кабинете никого, кроме них, не было. Пуленепробиваемые стекла вполне приличной толщины и второй этаж... Звукоизоляция стен на высшем уровне, да...

Но, надо полагать, то, что говорил своему патрону экономист бригады, настолько пугало его самого, что он осмелился высказаться только таким образом. Закончив шептать, он круглыми немигающими глазами смотрел в лицо Ганина, ожидая приговора. Тот застыл на пару секунд, обдумывая услышанное, потом его взгляд уплыл в сторону, и губы вдруг раздвинулись в плотоядной усмешке.

– А что, черт возьми! – Он щелкнул пальцами, улыбаясь вдруг еще шире. По всему было видно, что идея пришла Блондину по вкусу.

– Ну-ка, глянем! – что-то сообразив, вдруг резко оживился он, быстро подошел к секретеру, ключом открыл замок, и в руках оказалась папка. Андрей Витальевич рискнул и заглянул к нему через плечо. К своему немалому удивлению, он увидел копию ментовского досье на крупного уголовного авторитета, смотрящего города Веселогорска, без пяти минут вора в законе Григория Ивановича Рублева по прозвищу Крытый. Внимание его также привлекла цветная фотка симпатичной девушки лет семнадцати. Та стояла на сцене и держала в руках скрипку.

– А это кто такая? – не удержался и спросил он у хозяина. В его представлении эта юная симпатулька не клеилась с личностью зэка со стажем.

– Его внучатая племянница, – механически отозвался Ганин, думая о чем-то своем. Бросив папку на стол, он защелкал пальцами по кнопкам телефона, набирая номер. Дождавшись длинного гудка, поднял трубку:

– Олег Борисович?

Пончик хорошо знал, что это полковник милиции, который буквально ел с руки его босса.

– Встретиться надо, – безапелляционно заявил Блондин.

«Что ж, – усмехнулся про себя тону, которым разговаривал его босс с милицейским чином, – любишь сладкие куски жрать – умей и задом вилять!»

– Да, через час там же! – закончил разговор Пал Саныч, бухнув трубку на место.

Потом буравчики глаз опять впились в лицо экономиста.

– Не боитесь? – неожиданно взял на себя смелость спросить Рюшкин. – А не дай бог сорвется?! Григорий Иванович не простит.

– Григорий Иванович... – медленно повторил вслед за ним Ганин совершенно машинально. Мысли его были в то момент совершенно в другом месте. И вдруг, словно очнувшись, вновь взорвался, крича в лицо опешившему от бурной перемены его настроения Пончику:

– Крытый, Крытый! Достал он меня! Еще кто кого прощать должен! Он у меня полтора миллиона зеленых сегодня отнял! «Понятия, понятия!» Вот пусть и засунет себе в одно место свои понятия! Я что, на зоне сижу?! Тут бизнес, у него свои законы! Что он может про них знать?! Со своими-то тремя классами и двадцатью годами тюрьги, а?! Я тебя спрашиваю!

Рюшкин молчал, не пытаясь даже отвечать на истерику босса, терпеливо ожидая, когда тот закончит.

Тот, выпустив пар, быстро пришел в себя. Остыв, он вновь посмотрел на своего зама. Однако теперь этот взгляд был совсем другим – оценивающим и осторожным одновременно.

– Ты сам до такого додумался или... кто подсказал?

– Да что вы, Павел Александрович! – испуганно шарахнулся тот. – Честное слово...

– Смотри, подставишь меня – живьем закопаю!

– Павел Александрович! Мы же не первый год вместе!

– Вот потому-то и говорю!

В кабинете повисла напряженная тишина, и первым нарушил ее босс:

– Ладно, Андрей Витальевич. Прими сказанное за дружескую шутку! Пошли вниз, по чашечке кофе – и за дела!

Глава 3

Небо над заливом затянуло белесой молочной пленкой, сквозь которую лишь местами проглядывала естественная синева. Ветра не было вообще, и легкий туман жиденьким киселем висел в прибрежных соснах. Волны ненавязчиво плескались на берег, оттачивая валуны и гальку.

Чуть выше, за автострадой, виднелся небольшой дачный поселок. Однообразные коттеджи, построенные руками финских строителей, ровными рядами шли перед сосновым лесом. Ближе к дороге расположилась автозаправка и при ней – кафе. Они выделялись из однообразия каменно-деревянных жилых строений белизной пластика и металла.

Две мамы с колясками, молодая и постарше, остановились около плаката с длинным названием, написанным на английском и финском языках. Они о чем-то оживленно болтали. За ними с угрюмой тоской, потягивая пепси, наблюдали два светловолосых парня лет тридцати, сидевших неподалеку в открытой летней кафешке.

От поселка к морю вела каменная лестница, углами изгибаясь по склону. Она, по краям окантованная стальными перилами, оканчивалась большим причалом. Пяток красавиц морских яхт покачивали в такт ленивым волнам высокими мачтами.

Неподалеку от поселка, чуть в стороне, стоял еще один дом. Как нелюбимый пасынок в большой семье, он отдалился от остальных и выделялся из их числа большим размером и нестандартным дизайном. На залив он смотрел зашторенными наглухо окнами.

От причала к нему вела отдельная тропинка, заканчивающаяся небольшой асфальтированной площадкой перед воротами и въездом во встроенный гараж.

Мебель в доме была под стать его наружности: тяжелая, основательная и такая же угрюмая. Ничего нового – все будто так и стояло с самим зданием с прошлого столетия. Однако следы века нынешнего все же проглядывали в интерьере – домашний кинотеатр в гостиной, телефон и прочие вещи, без которых современный человек свою жизнь просто уже не мыслит.

Послышались шаги, и в холл со второго этажа спустился единственный обитатель этого жилища – мужчина лет пятидесяти с несколько отечным лицом. С первого раза можно легко было определить, что спиртного он не чурается.

Словно в подтверждение этого, мужчина прошлепал на кухню, отворил дверь холодильника и извлек из его недр литровку «Смирнофф». Некоторое время он апатично ее разглядывал, затем так же, без особого удовольствия, наплескал себе полстакана. Достал следом двухлитровую пластиковую бутылку пепси и не спеша открутил крышку. Газировка отозвалась сильным пшиком, и пена обильно поползла на свободу. Мужчина сглотнул ее, не давая пролиться на стол, после чего методично, мелкими глотками выпил водку и запил прямо из горлышка пепси.

Водку, газировку и стакан мужчина потащил с собой в гостиную и определил на журнальный столик рядом с необъятных размеров кожаным диваном. Принесенное дополнило коллекцию из зажигалки, пепельницы, полной окурков, и двух пачек сигарет. Вторая уже была опустошена на две трети. Тут же лежала российская газета с почти разгаданным кроссвордом и открытая на середине книга. Было видно, что незнакомец пребывал тут достаточно долго и терзался от одиночества.

Как говорилось, мужчине на вид было под пятьдесят. Роста высокого и широк в плечах. Объемный такой мужчина, большой. Но, несмотря на габаритную внешность, почему-то безошибочно угадывалось, что опасности в нем нет. Этаким тип рыхлого здоровяка-добряка. О том же свидетельствовал мясистый подбородок и чуть обиженное, какое-то детское выражение лица. В меру выступающий животик, светлые волосы – вот и весь портрет человека, сидевшего в одиночестве в холле особняка на берегу Финского залива.

Труба сотовика на столике мелодично запиликала, и здоровяк испуганно вздрогнул. Он отставил только что продублированный стакан с водкой и круглыми глазами уставился на возмутительницу спокойствия. Потом судорожно провел пятерней по физиономии. На виске явственно выступила капелька пота.

Аппарат вновь издал руладу, требуя к себе внимания.

Мужчина, чей взгляд наконец сконцентрировался на синем табло, облегченно вздохнул. Номер ему был знаком.

Когда он схватил трубку, рука еще мелко тряслась, и даже ударная доза водки не помогла.

– Привет! Что трубку не берешь? – услышал он ожидаемый голос.

– Да я... это, – несколько растерялся здоровяк.

– Боишься? – угадал его состояние собеседник и, выдержав короткую паузу, милостиво успокоил: – Не бойся, Дима, кроме меня никто не знает, что ты там окопался. А я, понятное дело, никого в курс наших дел вводить не собираюсь. Так что не дрожи!

– Ты когда приедешь? – в свою очередь, заметно успокаиваясь, поинтересовался Дмитрий, прикуривая свободной рукой.

– Как только – так сразу! – услышал он в ответ бодрый голос, однако такой ответ совершенно не прояснил существа вопроса. Затем собеседник все же посчитал нужным добавить: – Я же тут не просто так сижу! Твои документы готовы, уже отправил экспресс-почтой. Будешь ты теперь гражданином страны Пуэрто-Рико. Знаешь такую?

– Знаю, – несколько оторопело повторил Дмитрий. – А почему именно Пуэрто-Рико?

– О господи! Да потому, братик, что проще и дешевле купить было! И второе: потому что с ксивой этой страны ты можешь по всему миру без визы шляться! Усек?

– Усек, – согласился с ним объемный мужчинка, часто стряхивая пепел. Чувствовалось, что первоначальное напряжение еще не совсем оставило его.

Немного помолчав, он наконец задал вопрос, больше всего мучивший его:

– Слушай, скажи... как там? Ну, я имею в виду... – Он замялся, еще раз провел пятерней по лицу и выпалил: – Блондин поверил, что я... того?

– Поверил – не поверил, – услышал он все такой же равнодушный и чуть веселый голос двоюродного брата, – нам какая разница? Достать ни тебя, ни бабок он все равно не сможет! Кстати, кредит твой отдан.

– Да ну! Кто же его отдал?! – поразился мнимый утопленник.

– Пал Саньч наш драгоценный и отдал! Смотрящий Гриша Крытый присудил, чтобы он за тебя Боксеру лавье выплатил.

– А ты откуда знаешь? – недоверчиво спросил Заяц брата и тут же подумал, что зря задал этот вопрос. Бывший комитетчик всегда пользовался только проверенной информацией. Тот тут же напомнил:

– Дима, ты забыл, где я долго имел счастье работать?

– Ладно, – вновь засмутился беглый коммерсант, – тут от одиночества крыша скоро поедет!

– Победуй пока один. Скоро я к тебе приеду! Кое-какие наши дела улажу – и приеду! – ответил абонент, при этом старательно голосом выделив слово «наши». Мол, я там, в Питере, тоже не ваньку валяю!

– Ладно, брат, давай скорее! – Голос здоровяка заметно повеселел. – Завалимся куда-нибудь на Гавай лет на пять! У нас же на душу с тобой по полтора лимончика зелененьких североамериканских денежек!

– А потом, через пять лет? С дыркой в кармане по миру?

– Да ладно тебе – на наш век хватит!

– У кого есть полтора, тот всегда будет смотреть, чтобы его не сломал тот, у кого пятнадцать! Сам же не хуже меня знаешь!

– Что ты предлагаешь?

– Темка есть одна интересная, – услышал Дмитрий Игоревич осторожный голос родственника. – Ты же у нас всю жизнь энергоносителями занимался...

– Ну и что с того? Это у нас можно в любой кабинет в грязных кроссовках лезть – лишь бы в кармане хрустело! А у «турмалей» знаешь как? Да ты налоги платить задохнешься! Будешь, милый друг, как вошь под микроскопом!

– А кто тебе говорит, что открываться мы там будем? Я предлагаю тебе здесь лавье жать.

– Ты что, совсем очумел? Да мне бандюки сразу же голову отвернут!

– А зачем тебе тут появляться? Сиди себе там!

– А что за тема? – помолчав недолго, решил уточнить Дмитрий Игоревич.

– Балтийское пароходство по тендеру продает два нефтеналивных танкера «Волга-Дон». Выход чистоганом – три к одному! Представляешь?

– Представляю! – в душе еще не отошедшего от своих страхов «утопленника» невольно зажегся интерес.

– Ну так в чем же дело? Ты спец у меня, должен понимать, что такой фарт всего раз в жизни бывает!

– Такой тендер просто так не вытянуть! – резонно заметил Дмитрий Игоревич. – Там охотников будет достаточно! Чтобы в дамки пролезть, здорово локтями поработать придется! Это же такой лакомый кусочек!

– Не волнуйся – работа в этом направлении уже ведется! И поверь мне, именно мы будем первые! Есть у меня нужный человек, который эту схему реализует! Голова!

– Слушай, брат, – опять проявил беспокойство Зайцев, – зачем тогда нужно было затевать кутерьму с деньгами? Обналичивать, в загранку вывозить, меня «топить»? Ведь работать-то все равно в России.

– А затем, мой дорогой, – в голосе абонента Заяц уловил жестокие нотки, – чтобы мы с Блондином распрощались! Хватит на дядю ишачить! Пора самим взросленькими становиться! Кстати, он тоже удочку закинул в пароходство насчет «Волга-Донов». Только хрен ему на постном масле! Ну так что скажешь?

– Ты знаешь, – замялся Зайцев, – я какое-то время подумаю.

Головой он понимал, что такие предложения делаются раз в жизни, но что-то его останавливало, не позволяло так просто сказать «да». Привыкший к вполне мирной жизни, он был сильно напуган и деморализован недавним демаршем, на который подтолкнул его брат, и уже немного начинал жалеть о происшедшем.

Тот, видно, понял его состояние.

– Думай, только не очень долго! В конце концов, половина денег моя, и мне ее вполне хватит, чтобы и одному повернуть все это дельце! – довольно равнодушно заметил бывший комитетчик. – Начну один, а как трястись перестанешь, на половину ко мне войдешь!

– Возьмешь? – недоверчиво усмехнулся Зайцев.

– А куда же я денусь, Дима? Ты же братишка мой!

Прозвучало это искренне и даже с небольшим удивлением. А как же, мол, может быть иначе?

– Ладно, брат, приезжай скорее!

– Давай, жди! – в голосе бывшего офицера КГБ проступали искренние радостные нотки. После чего связь прекратилась.

– Спасибо, брат! – прошептал расчувствовавшийся Зайцев и отложил аппарат. Поискал глазами и нашел нужное: стакан и полупустую бутылку. Проглотил очередной «дринк» и тяжело плюхнулся на диван. Обхватил руками голову и некоторое время так и сидел, пребывая в полной прострации, лишь иногда приходя в себя для очередной дозы. Взгляд его стал более-менее осмысленным только тогда, когда опустела бутылка. Он посмотрел на нее с видимым

сожалением, затем аккуратно поставил у столика и полез под диван, кряхтя. Зайцев вытянул новенький кожаный чемодан и занялся пряжками. Распахнув его, мужчина несколько секунд просто смотрел. И было на что! Внутри ровными рядами лежали пачки стодолларовых банкнот. Всего таких пачек было триста штук. По десять тысяч в каждой. Три миллиона долларов. Простенько и со вкусом!

Беззвучно шевеля губами, от нечего делать Заяц принялся перекаладывать их с места на место, бережно равняя.

* * *

Лифт не работал, но это не слишком огорчило нашу симпатичную скрипачку. В семнадцать лет на такие мелочи плюют, особенно если ты идешь со свидания и твой избранник тебя поцеловал на прощание прямо около подъезда, что, конечно, не осталось незамеченным противной соседкой с пятого этажа.

«Понятное дело, – стуча каблучками по лестничным пролетам, Катерина улыбалась своим мыслям, – для Антона это в порядке вещей – проводил и поцеловал. Ему же тридцать пять! Естественно, я у него не первая! Такой красивый! Что он во мне нашел? Ой! Я ведь до сих пор не спросила, был он женат или нет! А вдруг... вдруг он женат, а со мной... ой!»

Первая юношеская любовь. Она теснила молодую грудь и вызывала легкий стыдливый румянец на щеках. Все мысли заняты только им, вытеснив из головы остальную жизнь совершенно.

Катерина и не заметила, как добралась до своего этажа. Она покопалась в сумочке, пытаясь разыскать ключ, но Григорий опередил ее, отворив входную дверь.

– Ой, ты дома, дядечка, – закономерного вопроса в возгласе Катюши не прозвучало, зато вплеснулась поневоле изрядная доля радостных интонаций. Девушка готова была сейчас расцеловать весь белый свет – до того ей было хорошо!

– Обедать будешь? – буркнул дядя, пропуская девушку в прихожую.

– Ой, сейчас что-нибудь приготовлю. Только переоденусь! Ты давно?..

– Не лукавь! – строго заметил дядя. – Ты же видела меня в парке десять минут назад, когда мы с Василием проезжали. Сиганула аж на два метра! Ты чего это? Меня, девица красная, стесняться начала?

– Да я не стеснялась вовсе, – щеки девушки заалели, доказывая совершенно обратное.

Требовательное «мяу» прервало разговор на самом интересном месте. Энергичное царапанье в дверь ванной комнаты и повторное мяуканье подтвердили, что заявка сделана совершенно серьезная и проигнорировать ее не удастся ни в коем случае!

– Мурку выпусти и руки мой. Об обеде я позаботился, пока ты у подъезда целовалась, мамзель! – буркнул Григорий и отправился на кухню.

– Ты что, подглядывал за мной? – вспыхнула девушка. Уши ее зашлись малиновыми пятнами. Катерина никак не предполагала, что Крытый увидит... Впрочем, ему и на балкон-то для этого выходить не нужно было, достаточно вовремя посмотреть в окно кухни.

Григорий полностью проигнорировал вопрос племянницы, разделявая курицу гриль. Заметив у парка племяшку, он велел водителю остановиться у торгового павильончика и купил пару штук.

Царапанье и очередное «мяу» с изрядной долей требовательности и нетерпения заставили скрипачку быстренько отворить защелку и выпустить пленницу.

Вальяжно, словно не была в заточении и нетерпеливо не рвалась наружу несколько секунд назад, белая пушистая кошулька с васильково-голубыми глазами, изогнув дугой спину и вытянув вверх хвост, шагнула девушке под ноги. Она потерлась о них в знак признательности и с большим достоинством прошла на кухню.

– Погодь, дармоедка, сейчас придет твоя хозяйка и покормит тебя! – услышала Катерина ворчливый голос. Она вымыла руки и отправилась к себе в комнату, живо переоделась в домашнее и присоединилась к старшему.

Мурка попала в их маленькую семью совсем недавно и успела проявить себя в полной мере, результатом чего и являлось ее заточение в ванной комнате в отсутствие хозяев.

Недели две назад они с дядей от нечего делать завернули в ту часть городского рынка, где продавали животных. Крытый сам был равнодушен ко всей этой прелести. Рыбки имелись почти в каждом «красном уголке» многочисленных колоний, которые Рублев повидал на своем веку, и поэтому от них его воротило с души. Собак, особенно овчарок, он недолюбливал тоже. Лай из питомника, доносившийся даже по ночам в тюремный барак, стоял в ушах до сих пор.

Ну а остальные там крысы, кролики... в общем, Григорий пошел, уступив желанию Катерины и очень надеясь, что экскурсия будет непродолжительной.

– Ой, смотри какой! – услышал он восторженный возглас и переключился на то, что привлекло внимание его племянницы.

– Это не какой, а какая! – серьезно поправила Катю девочка лет десяти, державшая на руках свое чудо природы.

Чудо природы было абсолютно белого цвета, с неестественными для кошек голубыми глазами, которые в настоящий момент были блаженно прищурены.

– Возьмите! – жалобно попросил мальчуган чуть помладше девочки, стоящий рядом с ней.

– Дядя!

– Что – «дядя»? Кто с ней возиться будет?

– Я! Я буду!

– Сколько за это добро?

– Так берите!

– Ладно, вот вам на конфеты.

– Ой, спасибо!

– Погодь... как зовут?

– Не знаем!

– Ладно, сами разберемся.

Так в их чистенькой двухкомнатной квартире появилась кошка Мурка.

Кошуля оказалась еще тем фруктом, с очень своеобразным характером. Неизвестно, где нашли ее молодые продавцы, но чувствовалось, что в жизни ей досталось изрядно. Одиночество кошка переносить не умела совершенно, в первый же день по возвращении Крытый обнаружил в квартире такой кавардак, что готов был немедленно выставить виновницу за дверь, добавив для скорости пинка от избытка чувств. Только заступничество Катерины спасло Мурку от бродячей жизни. Но на семейном совете было решено твердо, что в отсутствие людей пребывать своевольнице в закрытой ванной комнате. Протесты Мурки ни к чему не привели, и кошуля вынуждена была взаперти ждать прихода хозяев. Ей оставляли свет, и Катерина ставила на стиральную машину купленную корзиночку с одеялом внутри.

* * *

Катерина прошла на кухню и насыпала в кормушку для своей любимицы «Вискас». Мурка потянула носом в сторону стола и принялась тереться о ноги девушки.

– Как же, держи карман шире, – усмехнулся Рублев, глядя на несколько обескураженную племянку. – Эта стервь уже курятину учуяла!

– Дай я ей крылышко отломлю! – Катюша подула на кусочек и положила кошке. Затем сама села за стол.

– Так с кем же ты, мамзель, изволила сегодня прогуливаться? – в чуть насмешливой форме полюбопытствовал Григорий, возвращаясь к давешней теме.

Катя некоторое время не могла ответить. Прожевав, нехотя объяснила:

– Знакомый. На концерте познакомились в Питере месяц назад.

– Со знакомыми целуются?

Катя вновь покрылась румянцем.

– Дядя!

– Что «дядя»? Просто интересуюсь моральной нравственностью своей племянницы!

– «Моральной нравственностью» – так не говорят!

– Ты мне зубы не заговаривай, что за хлыщ?

– Почему хлыщ, дядя Гриша? – обиделась за своего избранника девушка. – Вполне приличный человек, юристом работает!

– Вот и расскажи, где этот почтенный человек работает, – не отставал от нее Рублев. – Насколько я успел заметить, он лет на двадцать тебя постарше?

– Не на двадцать, а на восемнадцать!

– А-а! – В восклицании Крытого содержалось такое количество иронии, что Катерина стусевалась. Действительно, аргумент убойный, ничего не скажешь!

– Ладно, я лучше тебе другое скажу. Решился наконец вопрос о моем участии в концерте Яна Сибелиуса. В Хельсинки поедем, документы уже в оргкомитете, – заметила скрипачка, надеясь таким образом сменить тему разговора.

– И приятель твой придет? – смотрящего не так просто было сбить с толку.

– Ну, может быть... А что, нельзя?!

– Меня смущает разница в возрасте.

– Ну и что? Мы же ничего с ним такого...

– Этого еще не хватало! И все же познакомь меня с ним. Хочу лично пообщаться.

– Хорошо, – просто пообещала девушка, не придав просьбе большого значения. В конце концов Антон – взрослый, достойный мужчина, не шпана какая-нибудь! Не стыдно и познать. Согласилась она еще и по той причине, что ей надоел этот разговор. Но Григорий почему-то не желал оставлять эту тему – видимо, его природное чутье подсказывало, что тут не все гладко.

– Так где же он работает?

– Антон говорил мне, но я забыла, – ответила Катя. Она попыталась припомнить, но так и не смогла.

– Ладно, а про меня он спрашивал что-нибудь?

– Сегодня спрашивал, когда... когда ты... короче, когда ты в парке нас увидел.

– Что ты ему сказала?

– Сказала, что ты тоже юрист!

Григорий не удержался и хмыкнул, настолько неожиданно прозвучал ответ племяшки. Он посмотрел на свои руки, фаланги пальцев которых были украшены синими перстнями.

«Да уж, юрист, ничего не скажешь! Пять „академий“ и одна – по малолетке!» – Крытый встал и приоткрыл окно. Девушка занялась посудой.

«Взрослеет! – подумал он с небольшой толикой грусти. – Женихи скоро табуном ходить будут! „Скоро“! Уже вот увязался один!»

Крытый прекрасно все понимал, он хорошо помнил себя в молодости. Паранджу на свою любимицу Григорий надевать не собирался, что сделаешь – жизнь! Но увиденный сегодня кавалер Крытому не понравился. Поскольку Рублев обладал обостренным чутьем, он с первого взгляда, просвечивая не хуже рентгена, видел сущность любого человека.

Так вот, хотя он с молодчиком еще ни разу не разговаривал, у него сразу почему-то возникло негативное отношение к нему. Он видел, как тот по-хозяйски обнял Катерину у подъезда и на глазах у всех бабок облизал ей ушко.

«Опытный кобель, – решил смотрящий, – к девчонке сопливой клеится!»

Катю он решил пока не расстраивать.

«Потихоньку объясню этому „кавалеру“ при случае, что да как, – решил про себя Григорий, дымя сигаретой в открытое окошко, – думаю, не дурак. Поймет. Да-а! Невеста! – окинул Рублев внимательным взглядом ладную фигурку Катюшки. – Отдам замуж, одному куковать придется! Да и не беда – привычка есть. И так всю жизнь, почитай, один, без семьи! Век возле себя все одно не удержишь – у нее своя судьба, своя дорога в жизни! Нужен ты ей больно, урка старый!»

Катя закончила с посудой и взяла на руки кошку. Та довольно заурчала.

– Так что там с твоим заграничным? – вернулся к прежней теме Рублев.

– Нормально. Говорю же, что после Питера – сразу в Хельсинки.

– Я тоже с тобой поеду. А то, как я погляжу, тебя без присмотра уже оставлять нельзя.

– Дядя!..

– Ладно, шучу, шучу! Вот посмотри, – вспомнив про сегодняшнюю покупку, Григорий достал пакетик с украшениями. – Как раз к твоим концертам!

– Ой, дядя Гриша! – обомлела девочка, когда увидела гарнитур. Цепочку с кулоном она тут же повесила поверх платья и, чмокнув благодарно довольного Григория в щеку, побежала вертеться перед зеркалом.

«Надену сиреневое платье и посмотрю, как с ним!» – восторгу Катерины не было предела.

Переодеться девушка не успела. Из спальни она услышала, что на кухне что-то грохнулось, и дядины непечатные комментарии по этому поводу:

– ...твою мать, паскудина, прости господи! Чтоб тебя, зараза, трижды подняло и ахнуло!

Девушка поспешила на кухню, понимая, что причина беспокойства может быть только одна.

Навстречу ей молнией пронесся белый комок и скрылся под кроватью.

– Что случилось? – оглядев кухню, юная хозяйка и сама уже увидела следы преступной Муркиной деятельности: разбитый горшок с фикусом и кувшин.

– Воробей за стеклом, видите ли, ей не понравился! – в голосе дяди Катерина не обнаружила и намека на злость, скорее веселое удивление. – Зараза, сиганула аж чуть не под потолок!

– Сейчас уберу, – засуетилась Катерина, отправившись в ванную.

Сережки и колечко, зажатые в руке, были положены на полочку у умывальника. Там девушка их и забыла.

* * *

После обеда облака побежали гуще. Ветер трепал листву. Олег Борисович Мещеркин гнал свою личную машину, боясь опоздать на встречу с Блондином.

Настроение было под стать погоде – переменчивое. И рука вроде откровенно чесалась к деньгам, но при этом опять почему-то проснулась в высоком, худощавом полковнике питерского ГУВД какая-то злость. Просыпалась она каждый раз в нем, когда он вот так вот встречался с господином Ганиным и ему подобными субъектами. Злость эта была равномерно распределена в трех направлениях: на себя самого, поскольку приходилось стелиться перед всякой мразью, которой самое место за решеткой, на государство – за те гроши, что платило оно ему ежемесячно в виде зарплаты, и – то, что оставалось, – просто на всех окружающих людей.

Желваки поиграли на острых скулах, и Мещеркин сильнее выжал акселератор. Молодой гаишник неуверенно взмахнул жезлом. Красная «Ауди» резко затормозила.

– Лейтенант, глаза протри! – рыкнул на него Мещеркин, тыча в лицо своим удостоверением. – Ты пьян, что ли, с утра?

– Простите, господин полковник, – пролепетал тот, держа руку под козырек.

«Ауди» взяла резкий старт и покатила дальше. Выпустив пар, Олег Борисович немного успокоился. На ум пришли житейские заботы – младшему в этом году в институт поступать, и Мещеркин сразу прикидывал, с кем нужно будет решать этот вопрос.

«Старостина побеспокоить нужно, – вырвав на мост, размышлял он. – У Марины через неделю день рождения. Устрою сабантуй на даче – вот их и приглашу с женой!»

До места встречи – кладбища на Васильевском острове – Мещеркин добрался меньше чем за полчаса. Приехал он раньше оговоренного времени на целых пятнадцать минут.

Народу было немного, что неудивительно само по себе. На кладбищах вообще редко бывает много людей. На похоронах и в Родительскую субботу в основном.

Полковника это устраивало больше всего. Да и вероятность встретить кого-то из знакомых тут минимальная. А если, не дай бог, служба внутренней безопасности захочет накрыть, то им трудно будет на местности, просматриваемой со всех сторон.

Нетерпеливо бросив взгляд на часы, Олег Борисович не спеша пошел вдоль оградок. Пожилая женщина в черном платке проковыляла мимо. Больше никто полковнику навстречу не попался.

«Оставь надежду, всяк сюда входящий!» – неожиданно пришло ему на ум.

«Где ж это было написано? – попытался вспомнить милицейский чин. Он подобрал прут и вертел теперь его в руках. Не помогло, так он этого и не вспомнил. – Сколько народу здесь лежит. Тоже, поди, суетились, спешили куда-нибудь. А теперь что? Два метра земли и – никаких забот!»

Но как человек приземленный долго о высших материях полковник рассуждать не мог, и посему все размышления растаяли, уступив место одному вопросу: зачем он так экстренно понадобился авторитету по кличке Блондин?

Полковник был уже в курсе, что утром тот встречался с Боксером, но также знал, что встреча закончилась мирно, без стрельбы.

От размышлений отвлек негромкий звук подъезжающего автомобиля, и Олег Борисович увидел «Лендкрузер».

Тот припарковался рядом с «Ауди», и Блондин вместе с двумя бойцами покинул салон импортного внедорожника. Бойцы остались топтаться у машины, а Ганин заспешил к Мещеркину.

Без всякого «здрасьте» он протянул полковнику руку, которую тот пожал без удовольствия.

– Срочное дело к вам. Давайте-ка пройдемся, – показал Пал Саньч рукой вперед по дорожке. Полковник послушно потопал рядом.

Разговор начался с пухлой пачки баксов, которую Блондин вручил Мещеркину.

– Это за прошлое. Молодец, – похвалил бандит полковника.

Тот отвернулся, чтобы скрыть невольную гримасу. Комментарий авторитета здорово напоминал поощрение хозяином кобеля, принесшего брошенную палку. Однако от ответа Мещеркин воздержался, что-то буркнув под нос. Баксы он сунул в задний карман брюк.

– Срочное дело есть, – перешел к главному Блондин.

Мент хмыкнул про себя: «У тебя все дела срочные!»

– Слушаю вас.

– Есть, Борисыч, такой человек – Григорий Крытый. Никогда с ним не сталкивался? – прищурился бандит на собеседника.

– Лично нет, но слышан. Он из воров, скоро должен на законника короноваться. Стоит смотрящим в Веселогорске. А что с ним?

– Пока – ничего, но нужно, как бы точнее выразиться, дискредитировать его. Сейчас я тебе подробно объясню одну идейку.

Под заунывное карканье ворон они не спеша шли по дорожке еще минут пять, обсуждая технические стороны вопроса. Как только все было решено, полковник быстро распрощался с Блондином и заспешил к своей машине. На этот раз он не испытывал душевного дискомфорта.

«Один подонок грызет второго и платит за это нам, ментам!» – весело думал он, разворачивая машину под хмурыми взглядами бойцов Блондина.

* * *

Пал Саныч поглядел вслед удаляющейся машине.

– Давай тоже отчаливать, – прокричал он, усаживаясь на переднее сиденье рядом с водителем.

Рассказывая свою задумку, он не счел нужным объяснять карманному «полкану», зачем ему это нужно. Не рассказал ни про третейское судейство, ни тем более про тендер в Балтийском пароходстве.

«Зачем человеку знать лишнее?» – такого принципа Блондин придерживался всю жизнь.

* * *

Убрав последствия кошкиного буйства, девушка убежала на занятия – после обеда у нее была репетиция. Крытый в квартире остался один. Лысый из Питера пока не вернулся, и у Григория образовался промежуток в делах.

Некоторое время он размышлял об утреннем своем третействе.

Он еще раз все проанализировал и лишь утвердился во мнении, что вынес верное решение относительно Блондина.

«Зубами поди скрипит! Ну да меня не куснет – шавка еще! – Григорий открыл окно на кухне пошире и забрал пепельницу в зал. – Пусть своим шестеркам лапшу про Зайца на уши вешает!»

Крытый был бы плохим смотрящим, если бы не узнавал о значимых событиях раньше других. С уверенностью можно было сказать, что его служба оповещения работала много лучше, чем оперативники МВД. Ну а насчет достоверности информации и говорить нечего.

Ну а кипеж по поводу исчезновения короля бензинового бизнеса их города не мог остаться незамеченным. И о полузатопленной яхте Крытый узнал раньше ментов и людей Блондина.

«Ганин, гадам буду, хотел всех объехать, – усмехнулся в мыслях Рублев, – распотрошил своего кабанчика и Боксера еще кинуть прихватом надумал! Вор у вора...»

Весь опыт его жизни подсказывал, что именно так и обстоят дела. В несчастные случаи, происходящие с такими людьми и так вовремя, он, естественно, не верил. Остается два варианта, если, конечно, Боксер ни при чем. Но это уж совсем маловероятно – делать ставку только на то, что смотрящий примет именно такое решение, которое он и принял. Да и навару негусто – свое только забрал. Нет, он тут точно не при делах. Значит, либо сам Заяц, либо – Ганин.

Крытый отдавал предпочтение второму варианту. С местным олигархом ему приходилось общаться. Рублеву он показался при всей своей коммерческой соображалке трусоватым и нерешительным типом. Григорию представлялось сомнительным, чтобы тот решился сам на подобный финт – у него бы подобная идея не родилась ни в жисть! Прикупить участок у дороги, новую заправку втиснуть на трассе, подмазать чинушу – это его родное, пожалуйста! Но комбинации с риском для жизни – вряд ли. Кишка тонковата.

«Обломалось Блондину, – еще раз мысленно усмехнулся Григорий, затушив в пепельнице окурочек. – А нечего было меня подтягивать на рамс! Нашел фраера для развода!»

Крытый закинул руки за голову и от души потянулся. Хрустнул сустав в позвоночнике.

Еще тогда, два года назад, когда собрание воров в законе порешило, что Григорию быть смотрящим в его родном Веселогорске, он думал о том, как сложатся его отношения с новообразовавшимися российскими мафиози. Откинувшись, он первым делом заглянул в гости в Питер к своему корешу Сашке Козырю. Когда у них зашел об этом разговор, Саня высказался определенно:

– Швали полно развелось, а достойных людей мало! Черт знает как живут! Думают не головой, а кошельком, а так нельзя! За деньги готовы и с мусорами целоваться, и политикам жопы лизать! А потом такой кричит: «Уважайте меня!» А за что, спрашивается? За деньги? За деньги я уважать не умею! За всю жизнь не научился!

Крытый на сто процентов согласился с другом.

Мысли его прервал телефонный звонок. Звонили по радиотелефону. Это мог быть Лысый из Питера – его звонок ждал Григорий. Но друг скорее всего позвонил бы на мобильник. Номер не определился – звонили, скорее всего, из автомата. Это не понравилось положенцу, но Григорий все же поднял трубку.

– Григорий Иванович? – проговорил незнакомый голос.

– С кем я разговариваю? – сразу же подобрался Крытый.

Положение, которое занимал Григорий в своем мире, обязывало к определенным мерам предосторожности. Открытых врагов у него в данный момент не было, но тем не менее положенец был всегда настороже. За долгие годы блатной жизни Рублев привык держать ухо востро.

– Как в клетке инкубатора! – смеясь, говорил он как-то своему знакомому.

– Это как? – поинтересовался тот.

– Ключешь переднего, прикрываешь зад от заднего, смотришь, чтобы верхний не нагадил на тебя, и не забываешь сам иногда гадить на нижнего! – объяснил он.

Поэтому, услышав незнакомый голос, Григорий насторожился. Немногие могли позвонить смотрящему. Такие люди были наперечет.

– Я хотел вас поблагодарить за сегодняшнее, – игнорируя вопрос Рублева и не желая представляться, между тем сказал абонент.

– Я не знаю, о чем вы, – четко произнес Григорий.

– Ну как же, вы нам сегодня здорово помогли, так что примите в знак признательности пятьдесят тысяч долларов, – продолжал настойчивый собеседник.

– Вы меня, уважаемый, с кем-то путаете, – отрезал Крытый и нажал на сброс.

Звонок ему очень не понравился. Между тем телефон настойчиво зазвонил вновь. Номер опять не определился. Крытый не стал больше разговаривать – он просто вновь нажал на сброс.

Но звонок подтолкнул его к действиям. Он достал свой мобильный и набрал номер Лени Боксера.

– Это Григорий Иванович, – представился он. – Нам нужно встретиться.

Заперев кошку, Крытый покинул квартиру.

* * *

Григорий решил не беспокоить Василия, который мотался где-то в городе по своим делам. Он остановил частника и назвал известное в Веселогорске кафе. Леня обещал подъехать минут через двадцать, поэтому Крытый не торопился.

Официант, как и положено профессионалу, знал Григория Ивановича в лицо, хоть Крытый не часто бывал в их заведении. Он расплылся в улыбке, увидев в руке положенца сигарету, мгновенно подсуетился с зажигалкой.

Услышав пожелания, пообещал выполнить заказ сию минуту и растворился так быстро, что сказочный джинн мог бы ему только позавидовать.

Действительно, в самое ближайшее время на столе перед Григорием стоял стерильный фужер и две бутылки пива того сорта, которое он предпочитал.

Крытый потягивал пиво, когда появился Боксер. Он сразу же нашел глазами смотрящего и напрямик направился к нему.

– Что-нибудь не так? – начал он с вопроса, присаживаясь напротив Рублева. Глаза смотрели пылливо, внимательно, но без страха.

– Мне перед разговором с тобой позвонил какой-то хмырь и в знак благодарности предложил пятьдесят штук баксов, – без обиняков выложил ему Крытый. – Кто это мог быть?

Выражение лица Лени свидетельствовало о том, что он действительно не имеет понятия о звонке.

– А может, это к нашему сегодняшнему спору не имеет никакого отношения? – в свою очередь высказал Леонид предположение.

– Все может быть, – уклончиво ответил Григорий. – Незвестный прямо сказал: «Вы нам сегодня здорово помогли...» Сегодня! Намек на Боксера совершенно очевидный – только он поймел выгоду!

Поэтому Григорий и решил в первую очередь встретиться с ним. Вдруг тот по простоте душевной решил отблагодарить смотрящего за решение в свою пользу. Если так – Крытый живо бы прочистил ему мозги! Такой дурацкий поступок мог нанести непоправимый вред. Но, после того как увидел удивленные глаза знакомого, Крытый поверил, что тот не имеет никакого отношения к звонку. Тогда кто? Оставив вопрос открытым, Григорий заговорил о другом:

– Ладно, с этим я сам разберусь. Ты мне скажи – твои парни насчет Зайца не рыли?

– А как же! – немного загадочно усмехнулся Боксер.

– Ну и что?

– Григорий Иванович, давайте говорить честно: уж больно он вовремя утонул! И вместе с ним – все бабки! Причем, кроме бензоколонок, что шли нам залогом за его кредит, у него еще кое-какие объекты были – он все продал подчистую! Все в наличку сгреб! А потом, видите ли, утонул! Согласитесь, трудно в это поверить.

– Принято! – согласился Крытый.

– Зайца я прекрасно знаю – не первый год работали, – обдумав продолжение, заговорил вновь Леонид. – Утром, почти в шторм, на яхте и пьяным дернуть со всей наличкой – до такого бы Заяц никогда не додумался! Я в это в жизнь не поверю! Значит, история с разбитой яхтой – туфта полная! Опять же – кто его мог на такой подвиг надумать, кто помог ему деньги незаметно вытащить? Не верится, что без Блондина тут обошлось. Правда, есть еще один вариант, – хитро глянув на Крытого с видом человека, имеющего за пазухой тайну, добавил Боксер.

– Что за вариант? – уцепился Рублев.

– У Димы есть очень шустрый родственничек – его двоюродный братишка. Он у него одно время руководил службой безопасности. Очень деятельный тип. Когда Блондин Зайца под себя подмял, братишка ушел из дела. Он – комитетчик бывший.

– Бывших комитетчиков не бывает, – усмехнувшись, назидательно вставил Григорий. – Чекисты всегда в строю!

– Вот я про то же! – охотно поддакнул его товарищ и продолжил: – Я ведь на стрелке у Блондина не зря про него спросил. Пацаны мне говорили, что он опять тут крутился. И у питерской конторы Зайца его видели. А Блондин говорит мне – нет, мол, и не пахло им!

– Что ж ты ему не сказал про этого рекса?

– Я ему маякнул! Говорю: «Может, бабки где-то в Питере осели? Подумай, может, кто-то из своих Зайцу помог?» А он – за ствол! Бойцы его затворы дергают! Ну, раз так, думаю, чего с тобой базарить! И к тому же кто его знает, может, он с этим комитетчиком в доле? Зайца и

ухайдакали на пару! Почему он сразу, едва я про того спросил, отнекиваться стал? Мои пацаны козла этого в городе видели, а его – нет? Странно получается – ведь они пасли кабанчика, а не я! А что рексу в Веселогорске было делать, как не к брату приезжать?

– Да, это верно, – согласился Крытый и поднялся, давая понять, что их беседа закончена.

Они пожали на прощание руки и покинули кафе. Григорий после разговора с Леней еще больше уверился, что история с зайцевским кредитом имеет непосредственное отношение к сегодняшнему звонку. А уж в том, что она будет иметь продолжение, Крытый теперь нисколько не сомневался.

* * *

Двухэтажное здание городской АТС было окружено тополями. Находилось оно вдали от центральных улиц, вокруг царил полная тишина. Мужчина среднего роста подошел к нему и посмотрел на часы. На устах вахтера возник было вопрос, но мужчина опередил его, предъявив служебное удостоверение.

– Проходите, пожалуйста, товарищ капитан!

– Двести четвертая где? – спросил он у недремлющего стража.

– Второй этаж, налево, – четко отрапортовал тот.

– Спасибо, – обронил пришедший и бодро поднялся по лестнице.

В руках работник правоохранительных органов нес «дипломат». Перекинув его в левую руку, костяшками правой он энергично постучал в дверь. Она тотчас распахнулась, словно за ней ждали этого стука. Выглянул патлатый парень в больших квадратных очках.

– Здравствуй, – капитан первым протянул руку.

– Здравствуйте, – суетясь, пожал ее работник АТС.

Капитан больше не сказал ни слова, лишь выразительно глянул на часы.

– Пойдемте, пойдемте!

Оба прошли в комнату, заставленную оборудованием. Огромные релейные шкафы, как библиотечные стеллажи, сплошь заполняли ее. Легкий гул и пощелкивание витали в воздухе. Патлатый очкарик усадил капитана за пульт управления, а сам остался стоять.

– Я вам еще нужен? – спросил он у капитана.

– Иди, Валентин, я как-нибудь сам управлюсь, – с легкой душой отпустил гость спеца. Действительно, тот ему сейчас был совершенно ни к чему, и если бы работник АТС не поспешил задать вопрос, то через несколько секунд все равно бы услышал ненавязчивое предложение оставить технического специалиста ГУВД Петербурга одного.

Капитан не спеша открыл «дипломат» и вставил чистую кассету в магнитофон. Он присоединил провода, надел наушники и посмотрел на часы. До нужного времени оставалось десять минут – вполне хватит подрегулировать аппаратуру.

«Вы нам очень сегодня помогли, примите в знак благодарности пятьдесят тысяч долларов...» – «Вы меня с кем-то путаете...» – Капитан быстренько нажал на «стоп». В наушниках шли короткие гудки. Он повторно набрал номер положенца. Но чередой длинных гудков тянулась довольно долго, а трубку брать никто не желал.

– Понятно, – сказал себе капитан и снял наушники, прокрутив коротенькую запись разговора. Он вынул кассету и убрал в нагрудный карман рубашки. Сложил провода в «дипломат» и щелкнул замками. Затем набрал привычным движением номер ГУВД.

– Олег Борисович? – на всякий случай переспросил он, хотя по голосу узнал полковника. – Да, я. Все сделал. Кое-что подмонтирую, но в общем нормально! Заехать к вам?

– Нет-нет! – услышал он поспешный ответ. – Я сейчас как раз в сторону вашего отдела еду и заскочу к тебе.

– Буду рад, товарищ полковник!

Доложив начальнику, мужчина покинул комнату. На секунду заглянул на прощание к патлатому, спустился по лестнице на первый этаж. Хоть и не было жарко, но мимо автомата с газировкой капитан не прошел. Без сиропа, но зато бесплатно! Он выпил стакан и, улыбнувшись вахтеру, покинул АТС.

* * *

После обеда одна из яхт, покачивающаяся на волнах у причала небольшого финского дачного поселка недалеко от Хельсинки, дождалась двух веселых молодых людей и заскользила по волнам. Это видел Дмитрий Зайцев, с тоской поглядывающий из окна снятого для него братом дома.

Вздыхнув, Дима подумал, что еще пару дней в заточении – и он точно рехнется! Из развлечений – телевизор и водка. Вспомнив о последней, он прошлепал было к холодильнику. Водки, зная его способности, брат запас море, а вот лимонад закончился. Да и питаться консервами надоело. Поскольку дело близилось к обеду, Дима решился.

Он запер калитку на ключ и затрусил к кафешке у бензозаправочного комплекса.

Финн преклонных лет улыбался ему, когда Заяц, смешивая плохой английский, еще худший финский и матерный русский, пытался сделать свой заказ.

– Сейчас все будет, подождите немного, – с небольшим акцентом ответил финн, улыбнувшись шире, и отправился внутрь своего заведения.

«Чертов индюк!» – мысленно ругнулся бизнесмен и пожалел, что не может прямо в кафе заказать выпивку – до субботы было еще далеко.

Он занял столик, позволявший смотреть на залив. Еще одна яхта отошла от причала и красиво скользила по водной глади.

«Эх! Сейчас бы на моей „Ласточке“!» – невольно вздохнул он, от души сожалея о своей разбитой яхте.

Хозяин, исполнявший сам почти всю работу в небольшом заведении, принес двойную порцию сосисок, картофель фри и кофе.

– Приятного аппетита, – пожелал он и на всякий случай поинтересовался: – Что-нибудь еще пожелаете?

– Нет, спасибо! – резиново раздвинул углы губ в ответ Заяц, подумав про себя: «Водки ты мне все равно не нальешь, падла!»

Действительно, законопослушный финн не мог даже представить себе такого. Вообще, от этих русских можно ожидать чего угодно!

«Как можно жить и работать в такой стране, где нельзя договориться с кабатчиком, чтобы он тебе из-под полы продал водки?!» – возмутился в душе Дима, со вздохом глянув на свой «Ролекс».

Яхта под большим наклоном совершила изящный поворот и плавно выпрямилась, скользя на хорошей скорости. Бизнесмен энергично принялся за сосиски. Пять минут он энергично работал челюстями, тщательно пережевывая пищу.

Затем ему вспомнился утренний разговор с братом. Может, он и прав? На хрен нам берег турецкий и на хрен нам эта Африка? Тем более – Финляндия, где нормальному мужику и выпить нельзя? Нет, жить в России пока невозможно, но работать, может, действительно нужно именно там. В любой западной стране на одних налогах разоришься! А деньги... Полтора лимона – это хорошо, но...

Он представил на минуту свою жену Надюшу и старшую дочь в ювелирном магазине где-нибудь в Цюрихе, их жадно блестящие глаза и записывающего торопливо заказы довольного управляющего...

«Нет, пусть хотя бы немного времени считают меня покойником, отдохну от их вечного „дай!“, – мысленно перекрестился веселогорский магнат и покончил с обедом. Кофе он не допил, поднялся.

– Заходите к нам еще, – на прощание лукаво улыбнулся хозяин.

– Обязательно, – пообещал Зайцев и, вспомнив, что дома закончился запивон, попросил продать двухлитровую кока-колу.

Уже в своем особняке он упал на диван и нажал кнопку пульта телевизора.

«Смирнофф» вновь появился на столе, и Дима принял изрядную дозу.

Руки сами потянулись к заветному чемодану.

«Там царь Кащей над златом чахнет», – вспомнились ему вечные строки великого поэта.

– Черт возьми, тоже, поди, водку от одиночества до одурения глушил! – рассмеялся вслух своим мыслям Дмитрий Игоревич, наполняя «смирновкой» свой стакан до половины. Подмигнул озорно танцующей полуобнаженной девице на телеэкране и махом выпил. Запил прямо из горла и потянулся к пачке сигарет.

Зайцев признавался себе, почему не хочет браться за бизнес вместе с братом: он не доверял ему до конца.

«Как ты можешь так? – убеждал он самого себя. – Он тебя из-под Блондина выдернул, свободным человеком сделал! Да и с кредитом лихо решил – семьсот пятьдесят тысяч чистых денег подарил!»

– Э-эх! Надо решаться – потом поздно будет! – выразил он мысль вслух, чиркая зажигалкой.

Глава 4

Ганин тоже совсем недавно пообедал. Правда, не в одиночестве, а в компании Пончика. Сейчас они вновь прибыли в офис на Невском и не торопясь поднимались по лестнице. Секретарша профессионально определила с первого взгляда, что хмурые тучи в душе ее патрона после обеда развеялись окончательно, гром и молния не грозят. Поэтому она рискнула-таки обратиться с просьбой слинять на пару часов раньше, подкрепив просьбу лукавым многообещающим взглядом. Блондин милостиво дал добро и зашел к себе. Красотка радостно пискнула и тут же в темпе машинистки заработала телефонными клавишами, выбивая, как морзянку, номер подруги.

Пал Саныч бросил на стол портфель и уселся в любимое кресло.

– Ну, посмотрим, чем нас полковник наш обрадует, – сказал он скорее себе, чем приземлившемуся напротив него Андрею Витальевичу.

Он достал из кожаного вместилища десяток листов, оказавшихся копиями милицейских досье, и начал внимательно их просматривать, раскладывая потом на две части.

– Вот эти нам подойдут, – взял он в руки семь листков, остальные бережно убрал в сейф.

– Наш драгоценный Дато, Самурай, Клешня... – Блондин быстро перечислил всех семейных.

Экономист подумал и выразил свое согласие.

– Жалко, что русских среди них только двое, – посетовал он, – остальные – черные.

– До Ростова мы воры, от Ростова – черти! – выдал блатную поговорку Пал Саныч, соглашаясь с ним. – Но, с другой стороны, в чем-то это даже и лучше! Самурай и Дато – из Кутаиси, Резо и азербайджанец Узун – из Тбилиси. У них, сам знаешь, – авторитет выразительно глянул на своего помощника и постучал друг о дружку кулаками, показывая таким образом, что кавказские законники меж собой находятся не в лучших отношениях, – так что потом против меня они вряд ли объединятся.

– Кутаисские «пиковые» жадные до предела, – согласился с ним Пончик. – Тот же Дато за копейку удавится! Не законник, а барыга с базара! Подожди, он нам еще за беспроцентный заем кровь попьет, каждый бакс припомнит!

Блондин молча соглашался. С «лаврушниками» и «пиковыми» – кавказскими ворами в законе – он работал бок о бок несколько лет и большинство из них хорошо знал лично. Про Дато и говорить нечего – с тем он контактил не реже раза в неделю, были совместные дела. А уж он-то своей жадностью славился даже среди земляков.

– Но без них нам не обойтись! – развел руками Блондин, и опять Пончик с ним согласился. – Ну так вот, – сказал Блондин, убирая в портфель досье на отобранных кандидатов, – еще один штришок, и можно к делу приступить! Нашел человека?

– Да, большой специалист! – похвалился Пончик. – Ржавым гвоздем любой замок откроет! За свою жизнь столько квартир обчистил, что и сосчитать не берется!

– Надеюсь, он понимает, что на этот раз ему брать ничего не нужно? – четко выговаривая каждое слово, отчеканил Блондин. Взгляд его был суров и требователен.

«Побаивается все же Пал Саныч! – злорадно подумал про себя экономист. – Кишка тонка на Крытого пружинить!» Вслух же он протянул обиженным тоном:

– Обижаете, Пал Саныч! Человек грамотный, лишнего никогда не сделает!

– Слушай, а твой украдайка не стукнет на нас смотрящему? По своим понятиям он, почитай, в петлю лезет, а?

– С этой стороны, – тонко, по-лисы улыбнувшись шефу, начал отвечать Рюшкин, – тоже все досконально продумано. Мужик не из местных, выписали аж из Норильска! Это раз! – Андрей Витальевич загнул толстый короткий палец. – При своем богатом жизненном опыте

в блатных никогда не ходил – одиночка, как есть! Еще при первой своей отсидке чуть в «обиженные» не попал, с тех пор один по жизни топает, на понятия и блатных авторитетов ему – глубоко с пробором! Это два! В-третьих – никто же ему не говорил, в чью именно квартиру нужно «дипломат» нарисовать!

– Это хорошо, что не местный, – по-другому глянул на своего помощника Блондин. – Искать никто не будет!

– И насчет этого тоже подумал, – ответил ему понимающим взглядом Андрей Витальевич.

– Да ты вообще, Андрей, у нас мужик понятливый, – неожиданно похлопал его по плечу Блондин. Рюшкин от смущения взялся протирать стекла очков. Проявление фамильярных сантиментов со стороны шефа – большой нонсенс!

«К чему бы это?» – насторожился Пончик. Любое отклонение в поведении его босса всегда настораживало, поскольку трудно было заранее предсказать, каким окажется его продолжение – хорошим или плохим? Одно знал Андрей Витальевич твердо – просто так Блондин ничего не делал.

Между тем нужно было что-то отвечать на проявление теплых чувств, и Пончик, как и положено, чуть смущенно забормотал слова благодарности.

– Да брось ты, Андрей! – махнул рукой Пал Саныч. – Это я тебя благодарить должен! Если провернем дело с тендером, я тебя на процент с прибыли поставлю! Слово даю!

«Вот оно что! – горячо поблагодарив Ганина, тут же подумал Рюшкин. – На интерес ловит! Значит, боится чего-то и хочет подстраховаться! Ну а то, что проценты пообещал, – это значит, что тебе, драгоценный Андрей Витальевич, смертный приговор уже вынесен!»

– Только, Андрей, просьба – сделайте все чики-пики! Без малейшей промашки! Сам понимаешь, если что – спать нам с тобой в одной братской могиле! Причем даже без табличек!

– Понимаю, Пал Саныч, понимаю!

– Ну, раз понимаешь – действуй!

Ганин достал из сейфа «дипломат» и открыл его.

– Проверь по своему списку!

Пончик достал из своей папки листок с распечаткой номеров и взглядом отыскал нужную пачку – она лежала сверху.

– Вот, пожалуйста! – Он зачитал номера из списка и сверил их с несколькими стодолларовыми банкнотами из пачки – номера полностью совпадали.

– Кстати, когда ты успел подменить пачку?

– Сразу, – пожал плечами Пончик. – Я же на сто процентов был уверен, что Леня не будет по номерам проверять. Так оно и получилось!

– Когда же тебе эта комбинация в голову пришла? – в вопросе Блондина вновь послышались подозрительные нотки.

– В Питере, когда у Дато деньги брал, – ответил, не задумываясь, Рюшкин. – Он своими обильными разглагольствованиями о правильности вынесения смотрящим приговора и натолкнул меня на эту мысль.

– Голова! Что бы я без тебя делал!

«Сладко поешь, Паша! Значит, удавка на мою шею уже намылена!»

Еще раз обговорив все детали, Рюшкин взял деньги и покинул офис. Блондин проводил из окна взглядом его фигурку, торопливо направляющуюся к стоянке. Только когда Пончик сел в свой «Опель» и тот влился в общий поток машин, Ганин отошел от окна.

«Спешит проценты заработать!» – подумал он про своего зама, и нехорошая ухмылка появилась на его губах.

* * *

Усаживаясь на водительское сиденье, Пончик глянул украдкой на окно второго этажа. За прозрачным тюлем легко угадывалась массивная фигура Блондина.

«Пасешь, Паша, – злорадно подумал зам, – не веришь! Правильно делаешь! Только не с твоими куриными мозгами с Рюшкиным тягаться! Я, в отличие от тебя, в свое время шахматам предпочтение отдавал. Штанга – она, ты знаешь, для головы бесполезна!»

Мысленно излив накопившуюся желчь, Пончик нажал стартер, и серебристая иномарка влилась в общий поток. Ехал экономист недолго. Через квартал он свернул под арку и, миновав проезд, выехал на противоположную сторону дома и на другую улицу. Остановившись у небольшого цветочного магазина, экономист достал мобильный телефон.

– Да, я, здравствуйте! Да, скоро все решится... Да, тендер безусловно будет наш! Не волнуйтесь, «Волга-Дон» никуда не уплывет – головой отвечаю! Все непременно сделаю в лучшем виде! – меда в голосе уважаемого Андрея Витальевича заметно прибавилось. И страха в округлившихся глазах – тоже. Он в волнении сдернул очки и держал их в кулаке левой руки, рискуя раздавить. – Да! Непременно! Обязательно! – сыпал он рублеными фразами, невольно выпрямив спину. Машина не позволяла встать, а не то Рюшкин непременно бы вытянулся во весь рост! – Да-да! Я все понял!..

Наконец инструктаж закончился. Андрей Витальевич испытал огромное облегчение и шумно выдохнул. Почти целую минуту он приходил в себя и глядел в одну точку. Потом его взгляд отклеился от приборной панели и стал более-менее осмысленным. Он с удивлением уставился на зажатые в левой руке очки и суетливо попытался надеть их. Дужки никак не хотели цепляться за уши, и от этого Рюшкин начал злиться. Наконец он справился с очками и вновь завел машину.

Серебристый «Опель Пассат» вновь влился в общий поток машин.

* * *

Центральный парк культуры и отдыха в Санкт-Петербурге был, несомненно, больше по площади и значительно богаче, нежели тот, что располагался в городке Веселогорске. Но и на его территории, кроме дорогих долларовых ресторанов и сияющего великолепием современного супердизайна кафе, имелись небольшие бунгало и всевозможные забегаловки, притулившиеся на окраине.

В одной из таких шашлычных за крайним столиком сидел господин Мещеркин с ухажем нашей юной скрипачки. Они расположились в тени большого дерева, стараясь не привлекать ничьего внимания.

Если бы Катерина сейчас увидела своего ухажера, она бы очень удивилась перемене в его внешности. Взгляд питерского юриста и до этого не отличался особой теплотой и сердечностью, сейчас же он просто заледенел. Властные складки обозначились в углу рта, тонко сжались губы.

Поведение же господина полковника еще больше было достойно удивления. Он весь как-то съежился и будто даже стал меньше ростом. Жалкая, заискивающая улыбка то и дело появлялась на его губах. Казалось, Мещеркин здорово боится тридцатипятилетнего мужчину, одетого с особой тщательностью. И того нисколько не смущало данное обстоятельство. Наоборот, он воспринимал это как должное.

– Что вы мне скажете еще? – в устах Антона вопрос прозвучал как сухой шелчок пистолетного выстрела. На Олега Борисовича, честное слово, он подействовал так же!

– Да я, собственно... все вам... что знал, как говорится. – Руки говорившего бесцельно шарили по столу, глаза, как две испуганные мышки, шмыгали туда-сюда. Заискивающая улыбка вновь запечатлелась на его физиономии.

– Все, да не все, уважаемый Олег Борисович, – ответная улыбка чуть тронула губы молодого мужчины. – Кое-что вы забыли. Пойду я закажу две порции шашлычка – он у Гиви просто волшебный! А то сидим, ничего не кушаем. Зачем хозяина обижать? А вы, дражайший наш Олег Борисович, лучше что-нибудь припомните. А то я сам начну копать в вашем прошлом!

Оставив совершенно убитого полковника, Антон легко поднялся и направился к стойке.

Невысокий, коренастый кавказец с густыми черными усами зацокал языком, качая головой. Он разглядывал протянутую ему Антоном тысячную купюру.

– Да-ра-гой, нет сдачи! Антон Игоревич, если нэ трудно... Нэ могу отойти...

– Не беспокойся, генацвале! Сейчас разменяю! – легко хлопнул его по плечу Катин кавалер. Оглядевшись вокруг, он направился к павильону игровых автоматов.

Едва молодой мужчина покинул заведение, лицо Мещеркина приняло каменное выражение. Ненависть, истекавшая из его взгляда, могла бы конкурировать с ядом доброго десятка кобр.

«Сука!» – прошипел еле слышно полковник.

Гиви ушел на кухню выполнять заказ. Взгляд Олега Борисовича упал на барсетку собеседника, оставленную на столе. Полковник, по-воровски зыркнув по сторонам, притянул ее к себе. Профессионально ловко обшмонал ее и остановился на самом ценном с его точки зрения: небольшой записной книжечке. Быстрый взгляд в сторону павильона игровых автоматов – и пальцы сноровисто зашелестели страницами. Взгляд наткнулся на колонку с телефонными номерами и фамилиями напротив них.

«Напомнит он мне! Смотри, как бы тебе самому много чего не напомнили!» – зло подумал он и достал свою записную книжечку. В рекордно короткий срок Олег Борисович скопировал десяток номеров и фамилий. Едва хозяин барсетки показался на другой стороне пешеходной дорожки, как она была тут же возвращена на место.

– На, дорогой! – Антон протянул Гиви шесть сотенных купюр.

– Садитесь, я вам все сейчас принесу, – поблагодарил его как раз появившийся с кухни хозяин бунгало.

– Итак, зачем вы встречались с Блондином? Что он вас просил сделать? – усаживаясь на свое место, сразу в карьер пустился Катин ухажер. – Давайте, соображайте, Олег Борисович, а то сейчас Гиви мясо принесет и разговаривать нам будет некогда!

Работник ГУВД решил больше не испытывать судьбу.

– Как я уже говорил, Павел Александрович просил меня предоставить ему информацию относительно ряда питерских авторитетов...

– Разговаривали вы о Крытом?!

«Черт, все знает! Кто же из моих ему стучит? Или... или из Пашкиных братков? И этот туда же! Дался всем им этот Крытый!»

– Ах да! Был... точно! Теперь я вспомнил! Был разговор о таком! Да, смотрящий Веселогорска! О нем Ганин тоже просил информацию!

– Олег Борисович, только ли информацию просил вас предоставить Блондин? Напрягите-ка как следует память! У меня иные сведения на этот счет!

«Да откуда он узнал?! Ведь по глазам вижу, что знает! Господи, так и в бога, и в нечистого верить начнешь! Пашка Ганин мне чуть ли не на ухо свою просьбу выложил. До дуболомов его почти сто метров было – слышать никто не мог! И на кладбище, кроме старушки, никого не было! Может, спец меня сдал? Коли так – держись!»

– Да, была одна просьба... странная, вот я и запомнил.

– С каких это пор вы, Олег Борисович, стали о странных просьбах забывать? – в вопросе прозвучала неприкрытая издевка. – Выполнить, надеюсь, вы ее не забыли? Ведь не забыли же недавно на свой счет две тысячи баксов перевести! Правда ведь? И пусть фамилия указана не ваша, но ведь счетик-то ваш, а, Олег Борисович?!

Вопрос оплеухой ожег лицо полковника. Неожиданно, черт возьми, совсем неожиданно! Он прямо-таки прикипел задом к пластмассовому стульчику.

– Что, господин полковник? – насмешливо спросил Антон Игоревич, наблюдая реакцию своего собеседника. По всей видимости, выражение ужаса на лице милицейского чина доставляло ему истинное удовольствие. – Как насчет просьбы Блондина?

– П-просил он, чтобы разговорчик один на кассету записали...

– Кто кому звонил? – сразу же последовал быстрый и четкий вопрос.

– Наш человек – Рублеву.

– О чем разговаривали?

– Ну, самого разговора между ними не было. Наш человек должен был сказать фразу и послушать, что ответит этот уголовник...

– Зачем вы Крытого обижаете? Он не просто уголовник, он – смотрящий, серьезный авторитет, без пяти минут законник! Так что это была за фраза? Рассказывайте, Мещеркин! Почему, черт возьми, я должен все из вас клещами тянуть?!

– Ну, вроде того, что хотят поблагодарить за услугу и в знак этого передать пятьдесят тысяч долларов.

– За решение вопроса между Боксером и вашим Ганиным?

«Черт! Есть что-нибудь, что он не знает?!»

– Да!

– Что ответил Рублев?

– Сказал, что понятия не имеет, о чем речь!

– Понятно. Иначе и быть не могло! Что же ваш человек?

– Ну, подкорректировал немного запись и отдал мне.

– Угу, – автоматически кивнул головой Антон, погружаясь ненадолго в свои мысли.

Очнувшись, он спросил: – Ну, а что же вы?

– Отдал Ганину, – пожал плечами полковник, выливая в свой бокал остаток пива из бутылки. Одним большим глотком он допил его и опустил пустую посудину на стол так, словно бы поставил точку.

– Не знаю, зачем это понадобилось ему, – фраза прозвучала достаточно честно, чтобы Антон Игоревич поверил.

– Да? – отрываясь от своих размышлений, Антон вскинул взгляд на собеседника. – Не ломайте голову, Олег Борисович, вам это совершенно ни к чему.

Появился Гиви – и столик окутал ни с чем не сравнимый запах превосходного шашлыка. Две большие порции – и к ним соус. Хлеб, зелень, фрукты и бутылка грузинского сухого красного появились со следующего захода.

– Спасибо, дорогой! – поблагодарил его Антон Игоревич. – От души – спасибо!

– Всегда рад! – чуть наклонил корпус растроганный шашлычник и вернулся за стойку.

– Больше Ганин вас ни о чем не просил?

– Нет, клянусь вам!

– Ну, тогда – с делами все! Беремся за мясо!

Мещеркин проголодался страшно, но тем не менее глянул на часы и сокрушенно покачал головой:

– С удовольствием бы, Антон Игоревич, но – дела!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.